

КОЛЕТТ
ФРИДМАН

Сюрприз!
На страницах книги
спрятан **талисман**,
который принесет вам
счастье, благополучие
и **любовь**.

О любви

Мне нравится эта книга, и я буду советовать
ее всем, кто хочет спасти семью от краха.

[Amazon.com](https://www.amazon.com)

ИЗМЕНА

Колетт Фридман Измена

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11699041
Измена / Колетт Фридман; [пер. с?англ. И. Белоус]; Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-82211-9

Аннотация

Что может быть страшнее измены? Предательства самого близкого человека, который клялся быть с тобой в горе и радости? Кэти и Роберт вместе восемнадцать лет. Они счастливо живут в Бостоне, но однажды все меняется. У Роберта появляется любовница. Но в жизни не бывает ничего без причины, поэтому Колетт Фридман дает слово всем – мужу, жене, любовнице. У каждого из них своя правда. Каждый хочет быть счастлив. Поразительно тонкий роман, показывающий, что не все в этом мире так однозначно.

Содержание

От автора	5
Книга первая	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	29
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	38
Глава 12	42
Глава 13	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Колетт Фридман

Измена

© Белоус И., перевод на русский язык, 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Для Джилл, готовой слушать всегда и невзирая ни на что

От автора

Люди, которых я хочу поблагодарить за выход этой книги:
Одри, Мартина и весь коллектив издательства «Кенсингтон»;
Мела Берджера из агентства «Уильям Моррис Эндевор»;
Моих знакомых в Бостоне: Дэвида, Закери, Дилана, Ким и Эми;
Моих слушателей, в особенности Джилл, Фреда, Джейд, Ребекку, Элли, Диану и Ханну

Хоуп.

Спасибо Диппи, Мозесу и Мириам за вдохновение;
моим родителям – за безграничную любовь и поддержку;
Барри – за веру в меня,
а за все остальное – Майклу.

Книга первая

Рассказ жены

Подозревала ли я?

Бесконечно задавая себе этот вопрос, я могла бы солгать и ответить утвердительно!
Но положила руку на сердце – нет, никогда.

Я доверяла.

Я любила.

Разве доверие и любовь – не одно и то же? Одно. Во всяком случае, для меня.

Но стоило мне усомниться – и все его поступки стали подозрительными. Я больше ему не верила.

А узнав правду, я его возненавидела.

Глава 1

Четверг, девятнадцатое декабря

Кэти Уокер надкусила пончик в шоколадной глазури и размашисто подписала рождественскую открытку.

«С наилучшими пожеланиями, Роберт, Кэти, Брендан и Тереза».

Сунула открытку в красный конверт, с отвращением лизнула полоску клея и снова взялась за ручку.

Стоп.

Какой у них адрес?

Она задумалась: не то Хэммонд-стрит, не то Холи-стрит.

Кэти встала из-за стола и покрутила головой вправо-влево, прислушиваясь к подозрительному хрусту в шее. Два часа непрерывной писанины кого хочешь доконают. Она терпеть не могла и всегда до последнего откладывала эту дань комильфо, никому не нужные вежливые поздравительные открытки – и не зря: вон как затекло и болит все тело. В руке она все еще держала пончик, но даже сладкое не радовало. Каждый год одно и то же, подумала она и со вздохом откусила еще кусочек. Кипу открыток подписывать приходится ей, а его имя, разумеется, идет первым. «С наилучшими пожеланиями, Роберт, Кэти...» Чего ради она ставит его имя первым? Не потому ли, что большинство открыток адресовано бизнес-партнерам Роберта?

На следующий год все будет иначе, мрачно решила она, роясь в поисках записной книжки. И тут же улыбнулась, вспомнив, что уже давала себе такой зарок в прошлом году... и в позапрошлом, кажется, тоже. Мимолетная улыбка делала сорокатрехлетнюю Кэти гораздо моложе.

Записная книжка нашлась под стопкой открыток, сделанных на заказ в прошлом году: показушные фотографии, где все семейство, нацепив рождественские колпаки, натужно скачет вокруг елочки. Интернет-магазин присылал их коробками по сорок штук. Каждый год Кэти свято верила, что использует остатки на следующее Рождество, но так ни разу их и не отправила.

Она лихорадочно листала потрепанную книжку: где живет этот нелюдим, двоюродный брат Роберта? Первый и последний раз она видела его на собственной свадьбе восемнадцать лет назад и теперь вряд ли бы узнала. К тому же мистер Эго не прислал ни одной рождественской открытки. Все, поздравлений ему больше не будет. Надо составить списки тех, кто поздравляет Уокеров, и тех, кого поздравляет она, а потом сверить. Может, и мелочно, но жизнь слишком коротка. На следующий год поздравления только взаимные – честно и справедливо. Кэти снова улыбнулась. Давала она себе и такой зарок, а толку? Открыток в это Рождество чуть ли не вдвое больше.

Часы показывали начало шестого, значит, до прихода почтальона еще полчаса, как раз, чтобы отнести письма в ящик у ворот дома. Роберт этого терпеть не мог: некрасиво, видите ли, по отношению к почтальону. А Кэти считала это прямой почтальонской обязанностью и никаких угрызений совести не испытывала. Зачем ехать или, чего доброго, пешком тащиться восемь кварталов до ближайшего почтового отделения? Это в такой-то холод? А тут еще снег, откуда ни возмись. С какой стати она вообще должна куда-то идти? После стольких трудов с открытками она себя побалует: готовить не будет, а закажет ужин на дом. Себе и Роберту – индийскую кухню, Брендану и Терезе – китайскую. Когда доставят еду, дети как раз вернутся домой.

Надо только закончить с поздравлениями: осталось четыре, и все – деловым партнерам Роберта. Кэти повертела открытки в руках. Нет, стандартные поздравления здесь

не годятся, писать должен сам Роберт. Она разложила открытки по конвертам: надпишет адреса, и Роберт не сможет отвертеться. Первый – главе небольшой мультимедийной компании под Кембриджем. Второй – кастинговому агентству на Копли-сквер, они присылают актеров для массовки. На губах мелькнула улыбка: а ведь не так давно она сама разносила открытки по всему Бостону, потому что денег на марки не было.

Как быстро все изменилось.

Их крохотная компания по производству телепрограмм неожиданно получила заказ на съемку небольшого эпизода для документального фильма о расизме. За выходные отсняли короткое интервью с афроамериканским исполнителем хип-хопа, и на том бы все и кончилось, но исполнителю вдруг дали премию, портрет напечатали на обложке журнала «Эсквайр», а документальный фильм получил «Золотую пальмовую ветвь». Роберт, ободренный неожиданным успехом, заказал новые рекламные буклеты, из которых следовало, что «Золотую ветвь» получила сама компания «Эр-энд-кей». Как и следовало ожидать, проверить детали никто не удосужился, и маленькая ложь пустила корни. Кэти чуть не задохнулась от стыда, когда услышала о себе на каком-то званом ужине: «Лучшая половина компании, удостоившейся “Золотой пальмовой ветви” за великолепный документальный фильм...» Возразить она не посмела.

Бизнес пошел в гору и подмял под себя их обоих. Семья, друзья, свободное время, отпуск отошли на второй план. «Эр-энд-кей» по-прежнему занималась документалистикой, но в основном на заказ: корпоративные обучающие программы, рекламные ролики, натурные съемки – местный колорит для зарубежных кинематографистов. Роберт все еще вздыхал, лелея мечты о документальных фильмах для «Нэшнл джиографик», «Эйч-би-оу» и «Дискавери», но Кэти его стремлений не разделяла: бизнес давал стабильный доход, а двое детей и выплаты по ипотеке делали материальную сторону в тысячу раз важнее творческой. Здесь они с Робертом принципиально расходились.

Следующий адресат – «Берст постпродакшн». Она зачем-то прочла название вслух, нарушив царящую в кухне тишину. «Постпродакшн», обработка отснятых материалов – явление новое, людские ошибки теперь подчищают компьютеры.

Для очистки совести она поискала адрес компании в своей записной книжке. Нет. Оно и понятно: Роберт начал сотрудничать с ними только в этом году и новые контакты заносил в айфон.

Кэти вышла в переднюю. За шесть лет в новом особняке она так и не привыкла к простору и все еще помнила прежний дом, где узкий темный коридорчик вел прямым ходом в кухню. А здесь огромное круглое фойе – никчемное расточительство, лучше бы комнаты сделали больше. И еще стужа: от мраморного пола словно исходил жгучий холод.

– Роберт! – позвала она, глядя вверх, в лестничный проем, но услышала только шум воды в душе.

Нетерпеливо хлопнув по перилам стопкой конвертов, Кэти вздохнула и пошла на второй этаж, устеленный кремовым ковром с глубоким ворсом (чистить его – одно мучение). Родительская спальня и комнаты детей располагались в противоположных концах. Хотя какая-то доля личного пространства.

На пороге спальни Кэти, заметив свое отражение в зеркале, придирчиво оглядела себя с ног до головы: миниатюрная, с треугольным личиком, талия расплылась, в темно-каштановых волосах проглядывают седеющие корни. Достаточно и того, что ей за сорок, не хватало еще выглядеть на пятьдесят! После Рождества никаких углеводов, записаться в группу «Слежу за весом» или в центр похудения «Дженни Крейг», а может, и туда и туда, и вернуться в тренажерный зал. Надо ходить днем, когда молодые мамы, эти фитнес-одержимые умницы и красавицы, поедут забирать из школ своих не менее образцово-показательных

чад. Нормальные женщины с нормальными фигурами по утрам тренажерный зал не посещают, решила она.

Вода в душе гремела вовсю, из-под двери ванной комнаты вились струйки пара. Как он моется под таким кипятком? Роберт напевал что-то рождественское, кажется, «Знают ли они о Рождестве?», но Кэти не поручилась бы: при всей любви к мужу она бы первой признала, что ему медведь на ухо наступил.

Одежда разбросана по кровати, мятый лиловый галстук – ее подарок на прошлое Рождество – валяется на полу. Поднимая его, Кэти испытала легкий укол совести: и на это Рождество у нее куплен шелковый галстук, только красный, с узором «огурцы». Роберту просто невозможно сделать подарок, он сам покупает себе все, что хочет. Рубашки и галстуки – единственный надежный вариант.

Присев на кровать, она обвела взглядом спальню. Чересчур белая, в новом году надо бы обновить интерьер. Белый слишком строг, от него холодно, к тому же он слепит ее, отражаясь в зеркальных дверях, и подчеркивает морщины на лбу и в уголках рта. В этой яркой белизне персиковый цвет покрывала поблек, словно вылинял. Надо будет взять в универсаме палитру красок, мысленно продлила она список дел «после Рождества», хотя понимала, что к середине января списка уже не будет.

Бросив конверты на кровать, Кэти достала из пиджака мобильный Роберта – гибрид телефона и компьютера в элегантном корпусе с внушительным цветным экраном. Купив себе это чудо, Роберт весь вечер демонстрировал ей закачанные в айфон приложения, пока она не заснула.

Вслед за логотипом «Эппл» на экране появилась фотография их умершего кокер-спаниеля Руфуса. Кэти поежилась. Что за дикость? Зачем каждый день заново переживать потерю? Впрочем, это в духе Роберта, с ироничной усмешкой решила она. Расставаться он не умеет.

Из красочных иконок на разблокированном экране она выбрала квадратик «Контакты», и телефон послушно выложил список имен и адресов. В поисках «Берст постпродакшн» она пролистывала имена на «Б».

Байнт, Эдвард
Берворд, Кеннет
Берроуз, Стефани
Кэти похолодела.
Берроуз, Стефани.

Комната вдруг качнулась, цвета пронзительно вспыхнули, а звуки, наоборот, исчезли. В промежутке между двумя ударами сердца в мире не было ничего, кроме черного имени на нежно-голубом экране.

Берроуз, Стефани.
Стефани Берроуз.

Имя, которое она не слышала много лет и надеялась никогда больше не услышать.
Возле имени стоял красный флажок.

В ванной стихла вода, и теперь ничто не заглушало фальшивое пение Роберта.

Невпопад тыкая по кнопкам, она выключила телефон, запихнула его в карман пиджака и выскочила из спальни.

Слова Роберта застали ее на лестнице:

– Кэти? Ты звала?

Но она слышала лишь, как стучит в висках кровь и гулкое эхо: «Стефани Берроуз».

Глава 2

Мощные удары сердца как будто сотрясали все тело. Она распахнула дверь, ведущую из кухни в сад, и жадно вдыхала ледяной воздух. Из темноты летели вихри снежинок, целовали лоб и щеки. Кэти ожесточенно смаргивала, но не плакала. Нет. Не сейчас.

Стефани Берроуз.

Красный флажок рядом с именем.

Умом она понимала, что это еще ничего не значит. Стефани – специалист по рекламе, а в телефоне Роберта найдутся имена всех, или почти всех, кто работает в этой сфере. Но чутье подсказывало: красные флажки просто так не ставят. Ими отмечают исключительно важных людей...

Но ведь есть сколько угодно других объяснений.

Нет, она знает, что нет.

Она яростно мотнула головой и вытерла набежавшие слезы. Может ведь она ошибаться?! Конечно. Будет только рада.

Но ошибки нет. На этот раз – нет. Теперь – нет.

Стефани Берроуз снова здесь.

Шесть лет назад, незадолго до переезда в этот дом, у Роберта был роман со Стефани Берроуз. Правда, он так и не признался, но Кэти все равно знала, знала! Ее всегда немного коробило, когда она слышала об их совместной работе, и однажды опасения подтвердились: подруга – теперь уже бывшая – увидела Роберта и Стефани на концерте группы «Роллинг стоунз» в Фенвей-парке и радостно поспешила доложить. Перестали быть загадкой бесчисленные отговорки, бесконечные задержки в офисе и деловые поездки, удивительно часто выпадавшие на выходные. Три месяца подозрений привели к неизбежному выводу: муж завел интрижку на стороне.

Однажды летним вечером Роберт жарил на гриле гамбургеры. В небе, затянутом тяжелыми тучами, полыхал кровавый закат. Она посмотрела в глаза мужу и в упор, без эмоций, спросила: «У тебя роман с референткой?» Он отвел глаза. Она сразу же все поняла, но он так гневно и пылко все отрицал, что Кэти чуть ему не поверила. На каждый ее довод он находил разумное объяснение. Следующие недели прошли во взаимных обвинениях и обидах, но ей так и не удалось ничего доказать. Потом Стефани уволилась, переехала в другой город, и страсти утихли. Еще какое-то время Кэти и Роберта несло по течению, но потом жизнь вошла в обычную колею.

Кэти почти забыла об этой женщине. Почти, но не совсем, потому что стоило мужу проводить взглядом симпатичную девушку на вечеринке – и почва уходила из-под ног.

А теперь имя Стефани Берроуз помечено красным флажком в новом телефоне Роберта.

– Эй, что происходит? Холодно же! – Роберт обнял ее сзади и уткнулся подбородком в макушку. От него пахло свежестью, чистотой и незнакомым новым одеколоном.

– Проветриваю кухню, душновато. Хороший одеколон. – Кэти выскользнула из его крепких рук.

– А, это новый. Не был уверен, что тебе понравится.

– Вполне, – сухо ответила она, закрывая дверь, и, не глядя в его сторону, прошла в глубь кухни. После восемнадцати лет брака таиться трудно: вдруг по лицам друг друга они прочтут то, что хотят скрыть. Кэти наклеила на конверты стикеры с обратным адресом – каждый год к просьбам о благотворительности прилагались неказистые липкие полоски в рождественских виньетках. Стикеры она брала, а денег не высылала – интересно, это портит карму?

– Я оставила тебе открытки на кровати.

– Видел.

– Адресов у меня нет. Лучше, если ты напишешь сам, это твои коллеги.

– В чем дело? – тут же спросил он.

– Ни в чем.

Она покосилась на него. Они поженились, когда Роберту был тридцать один. Высокий худощавый брюнет с вечно взлохмаченными волосами почти не изменился: прическа почти та же; фигура, правда, чуть оплыла, но надо отдать ему должное – возраст его не портит. Даже наоборот. Чего о ней, увы, не скажешь. Роберт возмужал, она постарела.

– Почему ты спрашиваешь?

Он наклонил голову набок – жест, когда-то покоривший Кэти, теперь раздражал – и с едва заметной улыбкой ответил:

– Из-за особого тона.

– Какого еще тона?

– Такого. – Он широко улыбнулся. – Тона, говорящего «как ты меня бесишь».

Кэти вздохнула.

– А, вот и подтверждение – вздох, – продолжил Роберт. – Как в джазовом оркестре: переход от вздоха к тону – вечная синкопа.

– Послушай, я устала. Я несколько часов надписывала открытки, большинство из них – твоим друзьям и коллегам, – уточнила она с нескрываемой обидой. – И так из года в год, и все в последнюю минуту, и адреса постоянно теряются. А ты никогда не помогаешь.

Улыбка сползла с его лица, но говорил он по-прежнему миролюбиво и рассудительно:

– Я отработал десять часов, ездил во Фрамингем на совещание. Дороги больше похожи на парковку, чем на шоссе, а утром у меня важная презентация. Сейчас приду в себя и найду адреса в телефоне. А хочешь, посмотри сама, мне скрывать нечего.

Уж кто-кто, а Кэти хорошо знала лживость этого утверждения.

– Я уже закончила, тебе остались только те четыре, на кровати, – вымолвила она и поджала губы.

– Так мы ругаемся из-за четырех открыток?

– Нет, – бросила она со злостью. – Мы ругаемся из-за ста двадцати, написанных без твоей помощи.

– Ясно, – кивнул Роберт и пожал плечами: – Жаль, не сообразил прихватить парочку на работу. Съезжу за детьми, – добавил он, взглянув на часы.

Она рта не успела открыть, как он выскользнул в переднюю, снял с вешалки кожаную куртку и шарф и аккуратно прикрыл за собой входную дверь.

Кэти стояла у кухонного стола, прислушиваясь к шуму мотора и шороху отъезжающей машины. Ему опять удалось вывернуть все наизнанку! Заставил жену почувствовать, что она не права и дело яйца выеденного не стоит, а потом, как всегда, смылся. На это он мастер. Всегда найдет способ увильнуть от спора.

Типичный трус.

Вот она бы хлопнула дверью, газанула на полной скорости, чтоб гравий из-под колес брызнул, чтоб рикошетило от стен дома. Чертова уравновешенность Роберта, недаром он Весы по гороскопу – всегда в состоянии покоя. Такой идеальный покой не может не выводить из себя.

Она достала из холодильника треугольничек плавленого сыра. Всего тридцать пять калорий, название «Тощая корова» не обманывает. Освобожденный от фольги кусочек исчез во рту. Похудеть перед многочисленными рождественскими вечеринками не вышло, и Кэти испытывала легкое чувство вины за то, что пропустила пару корпоративных мероприятий, где вечно снуют худые, как жерди, двадцатилетние красотки в маленьких черных платьях. Почему шедевры кутюрье так хорошо смотрятся на скелетах? Роберт поехал без нее и, кажется, не сильно переживал.

В глубине дома раздался резкий звонок.

Роберт забыл телефон.

Кэти замерла от неожиданности. Роберт забыл телефон? С ним такого не бывает. Случайность? А может, вселенная на ее стороне? Выбросив обертку от сыра, Кэти поспешила наверх, вспоминая, был ли телефон в руках у Роберта. В карман брюк муж его сроду не клал: громоздко, прицеплял обычно к поясу, как игрушечный ковбойский пистолет, или носил во внутреннем кармане пиджака.

Она влетела в спальню. Пиджак лежал на том же месте, серебристый уголок сотового выглядывал из кармана.

Решение, которое она сейчас примет, повлияет на всю дальнейшую жизнь. Она отчетливо слышала язвительный голос матери, нотки, раздражавшие даже сейчас, через полтора года после ее смерти: «Не готова к неприятному ответу – не задавай вопрос».

Готова ли она к неприятному ответу? Несколько лет назад ее обвинения чуть не разрушили семью. Тогда вместо доказательств она ссылалась на женское чутье.

Кэти Уокер сидела на краю кровати с телефоном в руках. В глубине души она уже знала ответ. Но ей нужны доказательства. Что-то существенное, неоспоримое. Шесть лет назад мнительность отравила ей жизнь. Второй раз это не повторится. Доказательства. Ей нужны доказательства.

Чтобы подготовиться к последствиям, нужна правда.

Кэти Уокер нажала на экран.

Глава 3

Стефани Берроуз.

Под ее именем были заполнены все графы: адрес, номер домашнего телефона, номер сотового, два адреса электронной почты, день рождения. И красный флажок рядом.

Кэти дрожащим пальцем нажала на флажок. Телефон послушно открыл календарь на декабрь. Прошлая пятница тоже отмечена флажком, под которым значится имя Стефани. Кэти снова прикоснулась к флажку, вызывая расписание встреч.

Насыщенный день в жизни «Эр-энд-кей», во всяком случае, для Роберта. В восемь утра завтрак с клиентом, в десять – совещание, после него, в одиннадцать тридцать, – работа в студии, озвучивание ролика. Подготовка титров и художественное оформление были назначены на три. Больше ничего.

Если не считать красного флажка в пять часов. К нему пояснений не было.

Кэти напряженно наморщила лоб. Вспоминай. Прошлая пятница... В прошлую пятницу Роберт приехал поздно, около полуночи. Сказал, что встречался с клиентом.

Понимая, что времени в обрез, она вернулась к календарю. Предыдущий вторник тоже отмечен красным флажком. Снова в конце рабочего дня, снова без пояснений. Еще один флажок – пятница, две недели назад. Кэти кивнула: точно, в пятницу Роберт пришел поздно, а вот про вторник она не помнит. Роберт так часто задерживается на работе, что это скорее норма, чем исключение. Еще один флажок – первый вторник месяца. Что ж, систему красных флажков он освоил.

Заглянем в будущее. Следующий флажок поставлен на завтра: пятница, вторая половина дня. Отмеченная флажком встреча назначена на четыре часа, после нее других встреч нет. Кэти горько усмехнулась: в мире красных флажков все просто – вторники и пятницы означали дни свиданий.

Она вернулась в «Контакты» и торопливо пролистала список. Флажком помечены еще двое, но она хорошо их знала – давние клиенты.

С непонятным чувством вины, плохо понимая, зачем она это делает, Кэти обшарила карманы пиджака. Бумажник Роберт взял с собой, и в карманах ничего не было, кроме двух парковочных талонов, упаковки мятных конфет и чека из кафе в торговом центре «Кембриджсайд». Два напитка. Она разгладила бумажку, проверила дату.

Прошлый вторник, семнадцать десять. Что он забыл в Кембридже в прошлый вторник? Роберт и магазины-то терпеть не мог, не говоря уж о торговых центрах. Пока доедешь туда в предпраздничные дни, проклянешь все на свете, а назад и того хуже. И потом, когда ему нужен подарок, он просто заезжает в «Бруклайн буксмит» и берет книгу.

В окна спальни ударил свет фар: во двор въехала машина. Без лишней суеты Кэти вернула на место телефон, талоны, конфеты, сунула в карман чек из кафе и пошла вниз, в переднюю, куда следом за Робертом, наполняя дом шумом и морозным воздухом, ввалились Брендан и Тереза.

– Мы ужин купили, – сообщил Брендан, показывая бумажные пакеты.

– И не только ужин, как я посмотрю, – недовольно отметила Кэти. Верхняя губа у Брендана в шоколаде, на щеке белый след – заехали в кафе-мороженое, не иначе.

Она взглянула на Роберта, тот недоуменно приподнял брови. Когда он стал добрым папочкой, разрешающим сладкое перед ужином, а она – мегерой, которая нудит про домашние задания и обязанности по дому? Она тоже может быть доброй. Да и была... когда-то. Кэти улыбнулась Брендану:

– Ну и отлично! Это я и хотела предложить.

Она смотрела на мужа, которого вроде бы прекрасно знала, – и понимала, что заблуждалась.

Роберт поймал ее изучающий взгляд и наклонил голову набок:

– Что-то не так?

– Все отлично, – солгала она. – Просто замечательно.

Глава 4

– Я тут подумала... – сказала Кэти.

– Опасное начало, – поддел ее Роберт.

В приоткрытую дверь ванной Кэти видела, как он стоит перед умывальником. До чего же идиотский рисунок на его пижамных штанах – зимние ботинки! Она сидела в кровати и смотрела на Роберта поверх раскрытого журнала «Пипл».

– В последнее время ты слишком много работаешь...

Зудящий стрекот электрощетки заглушил ее слова. Зубы – это его пунктик. Два года назад он их осветлил и выпрямил – за три тысячи долларов, хотя денег было в обрез. С тех пор каждые три месяца ходит на отбеливание к дантисту. Дурацкая затея: зубы такой неестественной белизны на загоревшем лице кажутся вставными. Теперь поговаривает о лазерной коррекции зрения, притом что очки надевает только для чтения и работы за компьютером.

– Я слушаю, слушаю, – уверил он из ванной.

Но Кэти не возобновила разговор, пока не смолк стрекот.

– Я подумала, ты так много работаешь, что мы почти не видимся. Может, сходим куда-нибудь одни, без детей?

– Хорошая мысль, – согласился он сквозь пенящуюся на зубах пасту. – Просто превосходная.

Он включил воду, и Кэти повысила голос:

– Может, завтра?

Интересно, что ты на это скажешь? согласишься, чтобы я почувствовала себя полной дурой, или...

– Не получится. – Он закрыл кран и, стирая полотенцем остатки пасты, вошел в комнату. – Завтра вечером я угощаю клиента: пунш, глинтвейн – как обычно на Рождество.

В огромных карих глазах светилась искренняя улыбка.

– Ты не говорил.

– Быть того не может. – Он натянул верх от пижамы.

– Я бы помнила.

Роберт пожал плечами и попробовал закинуть полотенце на вешалку в ванной, но промахнулся, и оно соскользнуло на пол. Утром Кэти привычно все подберет и повесит на место. Краем глаза она заметила, как Роберт оглядел себя в зеркальном шкафу: выпрямился, втянул живот, удовлетворенно кивнул.

Не меняя позы, Кэти украдкой наблюдала за мужем, пытаясь разглядеть в нем что-то новое. Ей вспомнилась фраза из какого-то журнала, что по-настоящему видишь человека только при первой встрече, а все, что потом, не в счет: мозг просто воспроизводит предыдущее изображение. Когда она последний раз смотрела на Роберта? Как на другого человека, как на личность?

У нее фантазия разыгралась, что ли? Или он правда в отличной форме? Даже загар ярче. За весом он, конечно, всегда следил... а еще непомерно заботился о волосах. Она прищурилась и, к своему удивлению, не обнаружила на его голове седины, появившейся несколько лет назад. Кэти считала, что седые виски ему шли, подчеркивали индивидуальность. Теперь «соли с перцем» как не бывало. Блеск и насыщенный оттенок подсказывали, что Роберт подкрашивает волосы. Он похудел, на животе появился намек на мышцы. А какой ровный загар! И это в середине зимы, без всяких поездок во Флориду. Полоски, которую оставляет ремешок от часов, тоже не видно. Крем? Но загар слишком равномерный, ни подтеков, ни темных пятен... Силы небесные, неужели он ходит в солярий?!

Кэти опять перевернула страницу. Ни слова не понимая, она упорно водила головой из стороны в сторону – пусть думает, что жена читает. Ради кого он ходил в солярий? Уж, конечно, не для нее. Неожданная мысль – «не для нее» – задела за живое. Когда ему стало все равно, что она о нем думает? Когда ей стало все равно, как он выглядит?

– С кем встречаешься? – небрежно спросила она.

– С Джимми Мораном. Ужинаем в «Седьмом небе», – не моргнув глазом, ответил он и скользнул в кровать, впуская под простыню холодный воздух. – Ты не включила одеяло.

Надо же, он ее упрекает.

– Не заметила, что прохладно.

С той самой минуты, как она начала решать головоломку, ее и вправду то знобило, то бросало в жар. Безумие какое-то. А может... ей сорок три года... ранний климакс? У матери и старшей сестры он начался как раз в этом возрасте. Тогда ее паранойю легко объяснить гормональной встряской. Бросив журнал на пол, она юркнула в кровать и натянула одеяло до подбородка.

– Читать не будешь?

– Нет. – Кэти погасила светильник в изголовье.

– А я почитаю, если ты не против. – Он нагнулся за книгой.

Против или нет, свет он все равно не выключит. Через некоторое время она услышала шорох переворачиваемой страницы. До чего же медленно он читает! Кэти по две книги в неделю успевала, а он «Непроторенную дорогу» Моргана Скотта Пека уже месяц мусолит, если не дольше.

– И когда же мы выберемся? – спросила она, не глядя на него.

Тишина. Он перевернул еще страницу.

– Давай обсудим после праздников. Сейчас заказать столик – мучение, а найти место для парковки вообще невозможно. Похоже, все рестораны заполонили люди вроде меня, устраивают клиентам бесплатную попойку, – сострил он, захлопнул книгу и щелкнул выключателем. – Выкроим время после Рождества. Может, махнем на Кейп-Код в выходные. На остров Мартас-Винъярд, а? Что скажешь?

– Хорошо бы, – промолвила Кэти.

То же самое он говорил год назад, но они не поехали: времени не было.

Времени всегда не хватало.

Глава 5

Двадцатое декабря, пятница

– Ты точно знаешь? – Роза Кинг протянула руку подруге, сидевшей напротив нее за кухонным столом.

– Нет... – Кэти Уокер покачала головой.

– Но подозреваешь.

– Подозреваю.

– А раньше подозрений не было?

– Были.

– Ну и что? Да в Бостоне все хоть раз да подозревали своих мужей!

– И ты? У тебя когда-нибудь были подозрения?

Роза поджала губы, улыбка на лице погасла, в уголках рта пролегли морщинки.

– Еще бы. И не раз.

– Ты подозревала Томми? – Кэти не сдержала удивленного возгласа.

– Да-да, Томми.

– Но ведь он же... – Кэти замялась, подыскивая слова, чтобы описать вес Томми.

– Крупный? Толстый? В теле? Или сразу перейдем к медицинской терминологии – страдает ожирением? Валяй, не стесняйся. А еще ты сейчас думаешь, что Томми с женщинами не светит, так?

– Этого я не говорила.

– Но думала. И так громко, что я услышала. Мой Томми, лысый толстяк, и его могучее мужское естество! Даже не знаю, кого жалеть больше – себя или ту несчастную, которая наивно позарится на это добро. Ох, и натерпелась же я от стройного Томми, пока он салом не оброс!

– Он такой обходительный, – пробормотала Кэти.

– Боже, только не говори, что ты тоже на него запала! – расхохоталась Роза.

Странная прическа, похожая на химзавивку – такую и в семидесятые уже никто не носил, – старила пятидесятилетнюю Розу. Только никакой завивки не было: волосы сами собирались в мелкие колечки. Неважно, стригла она их, красила или выпрямляла – через неделю непокорные пряди принимали прежнюю форму. Низенькая толстушка выросла четырех сыновей и двух дочек – младшая уехала из дому только в этом году, и Роза с ужасом ждала Рождества: впервые за двадцать лет они с Томми встречали его одни. Когда она рассказывала об этом Кэти, ей было не до шуток.

Их совершенно необъяснимая дружба с Кэти завязалась двенадцать лет назад, когда Брендан пошел в школу. Два раза в день Кэти курсировала мимо неухоженного Розинога газона, и ежедневные приветствия быстро переросли в пару слов, еще немного погода – в дружескую болтовню, потом Кэти заглянула «на кофеек», а Роза забежала «по пути». На первый взгляд их объединяло только соседство, но они абсолютно доверяли друг другу. Дружба не угасла даже теперь, когда Кэти переехала в фешенебельный Бруклайн, а Роза по-прежнему жила в лишенном прикрас Южном Бостоне.

– А с чего ты решила, что Томми тебе изменяет? – недоуменно спросила Кэти, представив, как напыщенный толстяк Томми, скрывающий лысину под нелепым париком, крутит шашни на стороне. Смех, да и только.

Роза пожала плечами, но потом усмехнулась и хрипло проговорила:

– Мой Томми. Бочоночек мой пивной. Ожирение и облысение пришли к нему не сразу. – Она покачала головой, словно сама себе не верила. – Знаешь, один из его романов длился два года.

Кэти смотрела на нее круглыми глазами.

– Да-да, а два других были покороче – месяцев по шесть.

Кэти не знала, что потрясло ее больше: измены Томми, или то, как буднично рассказывала о них Роза. Не желая выдать изумления, она подошла к пуансетии – рождественскому подарку детей – и стала поливать цветок.

– Мне в голову не приходило... Ты никогда...

– Так ведь об этом ненароком не скажешь, – с неловкой улыбкой ответила Роза. – Красивая блузка, кстати. Может, помнишь барменшу из «Лилового клевера»? Брюнетка, ей тогда было двадцать два. Томми с ней встречался. Не просто встречался, как ты понимаешь.

В голосе приятельницы звучали такая боль и издевка, что Кэти не могла не обернуться. Они дружили больше десяти лет, но ей даже в голову не приходило, какую обиду носила в себе Роза.

– И не смотри на меня так. Пойми, Кэти, легче делать вид, что не знаешь. Таков мой ценный вклад в неписанные правила этикета. Муж не признается, а жена не спрашивает.

– Двухгодичный роман, две связи по полгода... Ты три года жила, зная о его интрижках? Целых три года?!

– Деточка, это были три лучших года в моей жизни!

– Роза!

– Что? Я с пользой провела время. – Роза отхлебнула кофе и молча воззрилась на Кэти.

– И давно ты... Я имею в виду, когда ты впервые заподозрила? – Кэти смутилась и пошла на попятный: – Извини, зря я спросила. Сую нос не в свое дело.

– Десять лет назад, – ответила Роза, пропустив извинения мимо ушей. – С кем – не знаю, не интересовалась. – Она запнулась. – Нет, вру. Ее звали Глэдис Шварц – я читала их мейлы. А что? Да, я не припирала его к стенке, но мне нужно было все знать. Так проще жить.

– Ты ее видела?

– Нет. Конечно, да. – На застывшем лице вдруг мелькнула улыбка. – Знала бы ты, какая толстуха эта Глэдис Шварц! Томми на ее фоне – дистрофик!

Кэти с трудом изобразила смехок. Роза читала мейлы Томми. Но ведь это грубейшее посягательство на личное пространство. Кэти бы в голову не пришло открыть переписку Роберта, обмануть его доверие... Но в телефон-то его она залезла. Нет, телефон – другое. И потом, если у него роман... разве не он первый обманул ее доверие?

Трескотня Розы заглушила внутренний спор.

– Глэдис, как я понимаю, привет из бурного прошлого, подружка юности. Они, видать, не теряли друг друга из поля зрения, вместе захаживали в бар, болтали за стаканчиком. Потом болтали за обедом, за ужином... А потом оказалось, что болтают в кровати, – не меняя интонации повествовала Роза. – Одно точно – большая была кровать.

Кэти покачала головой и задумчиво посмотрела в сад. Вид, надо признать, унылый: голые деревьями, мерзкий декоративный прудик, подернутый бурой ряской... А еще в окне отражалось лицо Розы, ее пристальный взгляд.

Кэти вернулась за стол, не зная, чем помочь, что ответить. Утром, едва дождавшись, когда Роберт уедет на работу, а дети побегут на школьный автобус, она пригласила подругу, чтобы рассказать о своих печалях и выслушать совет. Такого поворота событий она и представить себе не могла.

– Знаю, знаю, трудно поверить, – нервно рассмеялась Роза. – Мой Томми! Знаешь, вообще-то он милый и добрый, смешно подтрунивает над собой. Этим и привлек меня когда-то. До Бреда Питта ему всегда было далеко, но как он умел смешить! Знаешь, я где-то читала, что умение смешить – гарантия успеха у женщин. Плевать на внешность, лишь бы весело было. Вот все девчонки и достаются пустобрехам.

Кэти сварила еще кофе.

– Да, я тоже об этом читала.

– А пару лет спустя, – продолжила рассказ Роза, – он завел шашни с блондинкой из пятнадцатого дома.

– Как? С той, у которой такие... – Кэти фыркнула от неожиданности.

– Именно. Ее муж нанял Томми вести счета незадолго до того, как их бизнес загнулся. Маленький магазинчик кухонной утвари, помнишь? Этот тип еще устроил огромную распродажу – «Все за бесценок», в общем, озолотился. А на следующий день прихватил выручку, деньги со счета, рыженькую кассиршу с цыплячьей грудью – и был таков.

– Я тогда пылесос купила.

– А я фритюрницу. Поначалу Томми забегал к ней раз в неделю. Потом два раза. И... не знаю. Все тянулось, пока она не съехала.

– Был еще третий случай, да? – мягко спросила Кэти, ставя на стол свежий кофе.

– Два года назад. В моду как раз вошли онлайн-свидания. Как-то раз он не выключил компьютер, и на экране в прямом режиме одно за другим всплывали сообщения от разных женщин. А свою страничку на сайте знакомств он вел от имени пользователя *СтаканНаполовинуПолон33*. Ну-ну. *СтаканНаполовинуПуст63* подошло бы больше. Но женщины писали ему, а он им. Пикантная переписка. Кстати, в статусе этот жирный кобель поставил «разведен»... – Губы Розы изказила сухая усмешка. – Тогда-то он и парик прикупил.

– Помню.

Замысловато уложенная конструкция на голове Томми то и дело грозила съехать набок, зато даже в ураган ни один волосок не пошевелился бы.

– Представляешь, он считает, что раз о парике никто не спрашивает, значит, о нем никто не догадывается. Как будто можно играючи заявить: «Неплохой парик, Томми!» или «Где парик купил, старина?», «Осторожнее, Томми, на твой череп зарится дикобраз». Нет, правда, Кэти, я бы умерла со смеху, доведись мне говорить о его парике!

Роза захохотала. Ее басовитый хохот рассмешил и Кэти, и на кухне вдруг воцарилось безудержное веселье: две женщины прыскали и фыркали, как в любое другое утро, когда мир еще не перевернулся. Неожиданно Кэти помрачнела. Даже в те времена миропорядок был нарушен, Роза уже тогда знала о связях своего мужа.

– Ты с ним говорила?

– О парике?

– Об изменах. О его вранье. О липовых данных на страничке в Интернете.

Роза сосредоточенно наливала кофе, добавляла молоко...

– Я много об этом думала. Долго и трудно. А потом спросила себя, что буду делать, если он сознается?

Кэти кивнула: она всю ночь думала о том же.

Роза сделала глоток кофе и продолжала:

– Что мне делать, если он не будет отрицать связей на стороне? Допустим, я укажу ему на дверь. Но нам еще восемь лет платить за дом по ипотеке. Он уйдет, и что тогда? Кто будет платить? – Она поежилась. – Звучит, конечно, расчетливо, если не сказать цинично, но это первое, что пришло мне в голову. А еще я подумала и о другом: ну, я укажу ему на дверь, а он не уйдет? Остаться с ним в одном доме я не смогу, правильно? Значит, уйти должна буду я. Оставить свой дом, уйти, но... куда? Работы у меня нет, я умею только вести хозяйство, тетка – моя единственная ближайшая родственница – живет в Провиденсе и содержать меня не станет, да я и не попрошу. И наконец, главный вопрос: дети. Что будет с ними? Кристина тогда ждала ответа из колледжей, Беатрис еще ходила в школу. У мальчиков была своя жизнь, учеба, спорт. Не могла же я не думать, как скажется на них наш разрыв.

Слова вызвали у Кэти глубокий вдох. Ее мучили те же вопросы. Неужели все женщины в подобной ситуации думают об одном и том же? Вероятно, да.

– И что же ты сделала?

Роза посмотрела на нее в упор:

– Ничего. Сделала вид, что ничего не знаю.

– Ничего...

Тусклое беспощадное слово повисло между ними.

– Ничего. Решила: кризис среднего возраста, ну и шут с ним. Я смолчала, не отреагировала. Больше не заходила на его бездарную расфуфыренную страничку. Даже не знаю... Надеюсь, его осенит, что он много потеряет, если меня бросит. Сделала ставку на то, что он одумается. И выиграла. Со временем.

– Ты ничего не сделала.

– Иногда не делать ничего – тоже выход, – мягко сказала Роза.

– Иными словами, мне не следует ничего делать?

– Этого я не говорила. Я рассказывала о себе.

– Я так не смогу.

– Не принимай решения, пока на руках нет фактов. Сейчас ты ни в чем не уверена.

Кэти покачала головой:

– Я почти уверена.

– «Почти» – недостаточно. Ты и раньше была «почти уверена».

– Так я и тогда была права.

– Точно?

Кэти замешкалась с ответом.

– Да. Я точно знаю. Просто... просто у меня нет доказательств.

– Так пусть они будут, если решишь пойти в открытую, – спокойно продолжала Роза. – Но в любом случае, даже со стопроцентными доказательствами на руках, подумай, готова ли ты к последствиям.

Кэти покачала головой. На глаза навернулись слезы. От гнева она плакала впервые с тех пор, как гадкие подозрения отравили ей жизнь.

– Я не смогу жить, зная, что он изменял, а я не пошла в открытую.

Наклонившись через стол, Роза взяла ее руки в свои.

– Поначалу и я так думала. А потом до меня дошло – возвращается-то он каждый вечер домой, ко мне. Я не хотела терять то, что мы вместе построили. Лучшего друга, чем он, у меня все равно нет. Да, он увлекался другими, но временно. В конце концов, он ведь мужчина, Кэти. Давай смотреть правде в глаза: мужчины гуляют. Хотим мы того или нет, такова их природа. Испокон веков мужчина охотился, а женщина растила детей. Вот и Томми... охотился. Пойди я в открытую, разрушила бы семью, а проявив терпение, я бы ее отстояла. Что я и сделала.

– Я так не могу.

– Знаю. Сейчас не можешь. Слишком свежа рана, слишком кровоточит. Но вернись к этой мысли как-нибудь потом. Не отбрасывай ее.

Роза больше не держала подругу за руки. Она поднесла к губам чашку и, отведя глаза, спросила:

– Сексом вы еще занимаетесь?

Готовый ответ так и не сорвался с губ Кэти. Дела в спальне... там теперь все иначе. Все по-другому. В самом начале их отношений они занимались любовью каждый день. Секс был волшебством.

Вдохновением.

Авантюрой.

Праздником.

Со временем им стало хватать двух раз в неделю, а потом – одного субботнего утра (и то не каждую неделю), пока у Брендана шел урок гитары, а у Терезы – футбол. Но и в этом расписании произошли перемены. Теперь для любовных игр требовался особый повод: день рождения, юбилей, День святого Валентина. А с недавних пор и это не действовало. Кэти никак не могла вспомнить, когда они последний раз занимались любовью. Ей всего сорок три. Желание в ней не угасло. Да, она немного располнела, но чувственна как и прежде, только... только не в глазах Роберта. Она не могла припомнить, когда в последний раз он называл ее красивой, когда в его взгляде горело желание. Зло берет! Неужели ее заменили такой же, как она, только моложе и стройнее? Он что, надеется вернуть себе плотский голод, новизну чувств, приподнятость первых лет? Вернуть времена потрясающего, а не привычного секса?

Но ведь брак строится не на сексе, а на...

– В чем дело? – удивленно спросила Роза, увидев немой вопрос на лице подруги.

– Мне сейчас только пришло в голову. Я раньше не задумывалась, но это важно. – Кэти провела языком по пересохшим губам. – Что такое брак? Что в нем самое главное?

Роза хотела ответить, но Кэти предупреждающе подняла руку:

– Жизнь вместе? Обязательства? Секс? Совместный опыт? Доверие? Искренность? Любовь? Что?

– В молодости, – очень тихо ответила Роза, – я бы сказала, что все вместе. А сейчас... – Она пожала плечами, словно признавая поражение. – Сейчас я думаю, это всего лишь привычка.

Глава 6

Прощаясь, Роза сказала:

– Не принимай решений, пока не добудешь железных доказательств. Будь уверена на этот раз, Кэти. Железно уверена, слышишь? Такие обвинения разрушают брак, особенно если они ошибочны. Но если будешь уверена, приготовься к последствиям. Не только к тому, что грянет, но и к последствиям.

Стоя в дверях дома, Кэти смотрела вслед подруге. Прежде чем сесть в свой старенький «Вольво», Роза прощально подняла руку и улыбнулась. Кэти помахала ей вслед, закрыла дверь и прижалась спиной к прохладному стеклу. Как легко сделать вид, что ничего не случилось... Но ведь случилось.

Теперь она иначе видела Розу.

Не то чтобы она потеряла к ней уважение, но... Что-то изменилось, и как прежде уже не будет, хотя Кэти не могла объяснить почему.

Она снова вспомнила слова матери: «Не готова услышать неприятный ответ – не задавай вопрос».

Может, начало всех измен в том, что один из партнеров никогда не спрашивает: «Где ты был?», «Почему так поздно?», «С кем?» Ведь спрашивать нельзя: вопросы подрывают взаимопонимание, взаимопонимание стоит на доверии, доверяешь – не задавай вопросов.

Обхватив себя руками, Кэти медленно брела по ледяным просторам передней. До нее вдруг дошло, почему отношения с Розой никогда уже не будут прежними. Кэти не могла уважать подругу, которая закрыла глаза на измену – измены! – мужа.

Бездействовать нельзя.

Нужно что-то делать.

Только она не знала что.

Кэти бродила по дому, но видела его теперь совсем иначе. Она подсознательно отбирала, что из вещей возьмет с собой, если решит уйти... или что возьмет Роберт, если уйдет. Эту картину они вместе покупали в Италии. Красный кожаный диван, который снимали в каком-то рекламном ролике, достался им с сорокапроцентной скидкой. Книжный шкаф сделан на заказ; неужели делить теперь любовно собранные книги – «моя стопка», «твоя стопка»? Роза не так уж не права, говоря, что сохранить общий дом удобнее. И детям лучше, и, уж конечно, практичнее. Пусть даже у Роберта интрижка, все равно потом он вернется в семью, правда? Ну нет, такой вариант отпадает. Если у него интрижка, Кэти с ним не останется.

Но уйдет ли он?

Потребуется ли она, чтобы он ушел?

А если не уйдет, как ей быть? Остаться? Сможет ли она?

Сейчас Уокеры жили в роскошном особняке, в самом престижном пригороде, а восемнадцать лет назад ютились в крошечной квартирке в Южном Бостоне, потому что все деньги шли на развитие компании. С рождением детей встал вопрос о хорошей школе. Что такое частная школа, Кэти знала на собственном опыте и искала для детей государственную, но прежде всего ее беспокоило качество образования. Изучив близлежащие районы, они с Робертом остановили свой выбор на Бруклайне: решающим фактором стали хорошие школы. С покупкой первого дома на жизнь едва хватало, приходилось месяцами сидеть на одной лапше, лишь бы вовремя оплатить ипотеку. Зато как были счастливы! Сколько смеялись тогда! Не то что сейчас.

Сюда они переехали шесть лет назад. Район практически тот же, но дом просторнее и парк рядом. За последние годы особняк вдвое вырос в цене: Роберт предсказывал, что капиталовложение будет выгодным, и не ошибся. Он редко ошибался.

Когда-то его стопроцентная уверенность и смелость ей нравились. Он всегда знал, что делает и как им лучше поступить. Но теперь ей казалось, что это не уверенность, а спесь.

В гостиной его вещей почти нет. По традиции, перенятой у матери, она держала гостиную «для гостей», а не для семьи. Дети сюда носу не показывали. Смех, да и только: в собственную гостиную ходишь как в гости. Первое, что притягивало взгляд, – черная кожаная мебель, из-за которой гостиная казалась меньше. Кэти выбрала бы что-нибудь попроще, попроче, но в те времена Роберт еще угощал клиентов дома и, по его словам, ничто не создавало атмосферу процветания и успеха лучше, чем темный кожаный диван и двухместное канапе. Стоявший здесь же сервант достался ей от матери вместе с разномастным набором уотерфордского хрусталя и неполным сервизом веджвудского фарфора. Вряд ли она докупит недостающие предметы, раз до сих пор не удосужилась. А материнскую коллекцию немецких фарфоровых статуэток давно пора выставить на продажу в Интернете, только руки все никак не доходят. По правде говоря, просто интересно, сколько теперь стоят хаммелевские безделушки.

А вот телевизора в гостиной нет, хотя телевизоры у них повсюду, за исключением разве что ванной.

Основное время семья проводила в жилой комнате, объединенной с кухней. Гигантская панель плазменного телевизора, подключенная к блюрей-плееру и новейшим игровым приставкам Брендана и Терезы, занимала весь угол слева от черного мраморного камина. По всему полу змеились провода, подключенные к акустическому центру, и валялись диски с фильмами – вот их Роберт забрал бы, хотя, насколько ей известно, ни одного еще не смотрел: все откладывает на потом, «когда будет время». С недавних пор со временем у него туго, страшно занят, и теперь она знает – чем...

Нет, отогнала Кэти навязчивую мысль, не сейчас.

Диванчик в жилой комнате далеко не новый, подушки не держат форму, хоть она и отдавала их перетягивать. Эффект от перетяжки продержался неделю, и Кэти твердо решила выкинуть диван. С тех пор прошло несколько месяцев. Может, поищет новый на распродажах в феврале...

Каминную полку уродовали часы, выпущенные в тридцатых годах прошлого века – дед Роберта оставил в наследство. Кэти раздражал бумажный циферблат в никотиновых пятнах, а скрип и щелканье механизма каждый час перед боем напоминали ей зубовный скрежет. Вот Роберт пусть и забирает, а она не намерена терпеть их в своем доме.

В своем доме.

Под своей крышей.

У себя.

Это она проводила здесь день-деньской: убирала, поддерживала порядок, превратила пустую коробку в гнездо, где Роберту и детям уютно. Она знала здесь каждую щель, каждый угол, знала, где скрипит половица, где облупилась краска; знала, где собирается паутина, какой кран течет, какое окно заедает. Это ее дом. *Она* его украсила, *она* обставила, *она* создала. И она его не отдаст.

Ее дом, ее, ее!

Вдруг испугавшись собственных мыслей, она поежилась. А что прикажете делать? С некоторых пор слова «раздельное проживание» и «развод» стали для нее очень актуальны. Оказывается, они тесно связаны с другими словами: «твое» и «мое». Раньше-то она всегда думала «наше», даже когда обвиняла Роберта в связи со Стефани. Впрочем, тогда мысль о разводе ни разу не возникала.

Роза права, глубоко вздохнув, признала Кэти. Без доказательств на эту дорожку ступать нельзя. Без серьезных, неопровержимых доказательств.

Она перешла в следующую комнату, где стоял большой обеденный стол и восемь стульев, один из которых явно выбивался по стилю: несколько лет назад пришлось заменить стул, рухнувший под особо тучным гостем Роберта. Здесь, в столовой, семья собиралась в торжественных случаях. Только вот случаи эти все реже и реже. На Рождество – в прошлом году, на Рождество – в этом, в следующую среду. Судя по обрезкам бумаги, Тереза мастерила рождественские открытки.

Снова оказавшись на кухне, Кэти машинально убрала со стола чашки и вместо того, чтоб закинуть их в посудомоечную машину, начала мыть сама. Ей нужно, необходимо занять себя.

В ожидании Роберта она взглянула на часы и тут вспомнила, что сегодня он будет поздно – встреча с клиентом. С *клиентом*. Если верить тому, что он сказал. Кэти нахмурилась, забыв о чашке. Кого, он сказал, угощает? Джимми. Они с Джимми Мораном ужинают в «Седьмом небе Бостона».

А если нет?

– Справочная слушает, ваш запрос, пожалуйста.

– Ресторан «Седьмое небо», в Пруденшиал-центре.

Удивительно, как четко и уверенно звучит ее голос. А ведь она поняла, что звонит, только когда пальцы набрали номер справочной, и тогда же с горечью констатировала: все жены делают одно и то же, если подозревают своих мужей, – проверяют.

– Ждите, соединяю.

Его ложь разлита по жизни окружающих. Его покрывают друзья, покрывают коллеги, а теперь и она внесет свою лепту, набрасывая флер извинительной лжи на его интрижку.

– «Седьмое небо», спасибо за звонок. С вами говорит Элиза. Чем могу помочь?

– Добрый день, я хочу подтвердить заказ на имя Роберта Уокера, сегодня вечером в семь тридцать. Столик на двоих.

Манера любому офисному сотруднику на зависть: строго по делу и с легким налетом скуки в голосе. Ей не раз приходилось играть эту роль, когда Роберт только-только создавал компанию, и голос якобы секретарши должен был убедить клиентов, что перед ними нечто большее, чем бизнес двух людей.

– У меня нет заказа на имя Уокер.

Во рту сразу пересохло, правый глаз задергался, и Кэти, еле шевеля губами, попросила:

– Посмотрите на «Эр-энд-кей».

Достаточно соврать один раз, и дальше врешь не задумываясь, открыла она для себя еще одну горькую истину.

– Простите, мэм, на это имя тоже ничего нет.

Мэм. Даже по телефону ее больше не называют «мисс». Она почувствовала себя до боли старой.

– Спасибо, я сейчас же переговорю с боссом. Уверена, все разъяснится.

Столик в «Седьмом небе» никто не заказывал. Ничего удивительного, она и не рассчитывала. Конечно, Роберт мог ошибиться, хотя он редко ошибается. Может, просто перепутал ресторан?

А может, солгал. И встречается с любовницей. Как в каждый отмеченный красным флажком день.

Глава 7

Кэти Уокер в нерешительности застыла перед кабинетом мужа. Что-то мешало ей повернуть ручку и шагнуть в его владения.

Как ни крути, но она преступила бы границу как в прямом, так и в переносном смысле.

События развивались так стремительно, что времени на раздумья не было. Вчера, увидев красный флажок напротив женского имени в телефоне мужа, она сделала скоропалительный вывод. Возможно, ошибочный. Рассудок, во всяком случае, отчаянно хотел убедить в этом сердце.

А сердце не соглашалось.

Кэти давно подозревала неладное. Возникшие подозрения – сами по себе признак беды. Разве придет в голову подозревать мужа в любовной связи, когда по-настоящему, без вопросов, сомнений и задних мыслей, знаешь, что он тебя любит? Любит ли ее Роберт? Она не уверена. Вероятно, она ему симпатична; спору нет, он к ней привык и готов прощать ей многие недостатки, но – любит ли? Вряд ли.

Стоило ей увидеть красный флажок, как бесчисленные мелочи, смутные вопросы и непонятные случаи сложились в убедительно правдивую картину. Теперь, чтобы не сойти с ума, нужны доказательства.

Но ясно и другое: войди она в комнату, переступи порог – и дороги назад нет. Даже если она ничего не найдет или обнаружит доказательства, полностью снимающие вину с мужа, даже если он никогда не узнает, что она обыскивала кабинет, – возврата к прежней семейной жизни не будет. Кэти обманет его доверие.

Он ее доверие уже обманул.

Сердце похолодело от горькой мысли. Он предал ее дважды – и наверняка ради одной и той же женщины. Возможно. В тот раз у нее не было доказательств, только страхи и предположения.

Ей нужна правда.

Кэти Уокер решительно вошла в кабинет мужа.

Поначалу предполагалось, что вторую по величине спальню в доме займет Брендан, когда подрастет. Однако сразу после переезда комнату захватил Роберт: перенес туда компьютер, разложил папки, установил аппаратуру для компьютерного редактирования – и стало ясно, что новой спальни Брендану не видать.

Здесь было тихо: окно с двойными рамами выходило на задний двор. Роберт любил тишину. По левой стенке стояли тумбы с файлами, прямо у окна – конторка, за которой он делал эскизы. Будь то документальное кино или рекламный ролик, муж всегда начинал с графической раскладки от руки, а не на компьютере, считая такой процесс поисatine творческим. Светлый стол вдоль правой стены предназначался для офисной техники: принтеры, факсы, сканеры, стационарный «Эппл» с внушительной диагональю, сверкающий эппловский ноутбук и цифровой блок, чтобы монтировать видео, диалоги и музыку для рекламы, кормившей фирму «Эр-энд-кей». Много лет назад компоновку приходилось заказывать; теперь новые технологии и особенно программа окончательного монтажа позволяли делать основную часть работы дома, за компьютером.

Кэти редко заходила в кабинет – как-никак, территория Роберта, – но здесь всегда царил идеальный порядок. Удивительно, до чего эта аккуратность не сочеталась с характером мужа. Рассеянность и растрепанность – типичные черты Роберта и, как когда-то считала Кэти, секрет его притягательности. Не раз и не два он приходил на свидание в разных носках, а пиджак до сих пор может застегнуть не на ту пуговицу. Однако с недавних пор – а ведь у нее никаких подозрений не возникло! – его заботит внешний вид: новые рубашки в четко

выраженную вертикальную полосу, к ним в тон новые шелковые галстуки чистых цветов. Среди классических костюмов «Брукс бразерз» висит теперь донельзя стильный итальянский костюм из шерсти и шелка, она даже бренд запомнила – «Форциери». Имя не зря показалось ей напыщенным – сайт в Интернете подтвердил, что так оно и есть. С коих пор ее муж рассматривает роскошные итальянские костюмы как выгодные инвестиции? На заре их знакомства «нарядно» для него означало блейзер из «Гэп». В парикмахерскую он теперь ходит как по часам, а раньше садился на край ванной и просил Кэти подровнять ему шевелюру.

Когда наступили перемены? Почему, заметив первые признаки, она не приняла их всерьез? А может, не очень-то и заметила? Может, они вообще мало ее интересовали?

Она встала посреди комнаты и огляделась. Нужно что-то найти. Неизвестно, что именно, но как только она увидит, сразу поймет. Очередной красный флажок.

Сначала бумаги. Аккуратная стопка лежала в проволочной корзинке слева от компьютера. Главное – оставить все как есть, перемену Роберт сразу заметит. Она выложила стопку бумаг на стол лицом вниз и, просматривая страницу за страницей, складывала их назад в проволочную корзинку текстом вверх.

Приглашение на презентацию нового товара... письмо от клиента... студент-художник ищет работу... счет карточки «Виза»... счет из конторы по подбору секретарш... квитанция за превышение скорости...

Что? О квитанции за превышение Роберт ничего не говорил. Штраф на сто пятьдесят долларов выписан тридцать первого октября в бостонском пригороде Ямайка-Плейн, время – двадцать три двенадцать. Превышение скорости: вместо разрешенных двадцати пяти миль в час – сорок пять. Она со вздохом положила квитанцию в корзинку: штраф большой, но главное – по страховке ударит еще больше. Почему Роберт промолчал, объяснить легко: он, как все мужчины, считал себя классным водителем, а тут – такой удар по самолюбию.

Следующий листок бумаги – жалоба от Тони О'Коннора. Знакомое имя. Тони она помнила: как же, один из первых клиентов. Его магазинчики по продаже напольной плитки разбросаны по всему Массачусетсу. Он пришел в «Эр-энд-кей», чтобы сделать своей фирме слащавую рекламу, и сам выступил в роли звезды. Надо признать, агрессивно-навязчивые ролики превратили его в местную знаменитость, и хотя благодаря услугам «Эр-энд-кей» его прибыль возросла втрое, Тони вечно был недоволен. Он жаловался, даже когда ставил подпись, утверждая ролик. Что ж, некоторые вещи не меняются. Качая головой, она опустила письмо в корзинку поверх штрафа.

И замерла.

Оцепенела. Снова поднесла квитанцию к глазам. Тридцать первое октября. Хэллоуин. Она запомнила число из-за неприятного инцидента по соседству. Парни из компании, в которой иногда тусовался Брендан, раздобыли где-то необычно мощные петарды и, дождавшись полуночи, устроили оглушительный фейерверк. В Массачусетсе продажа пиротехнических средств запрещена, зато в соседних штатах это добро продается свободно. Купленные на границе Нью-Гемпшира петарды запускали из парка напротив дома Уокеров, и Кэти с детьми – Брендан по одну сторону, Тереза по другую – смотрели на красочное зрелище из окна. Грохотало будь здоров: взрывы, треск и пулеметная дробь звучали одновременно. Из полыхающего вдали костра в небо летели снопы искр и рассыпались дождем. Едкий запах горелой резины проник в комнату даже сквозь тройные рамы. Неожиданно одна из ракет упала на крышу их дома и, гремя черепицей, покатила вниз. Все трое так и подскочили, думали, крышу пробило.

Трое... Роберта не было. Тогда она обрадовалась: будь он дома, пошел бы на улицу, устроил мальчишкам нагоняй – еще неизвестно, чем бы дело кончилось. А он в ту ночь ужи-

нал с потенциальным клиентом в Коннектикуте, переночевал в гостинице и приехал домой только утром.

Но если все так, почему квитанция из Ямайка-Плейн, а время двадцать три двенадцать?

Да потому, дура, что в Коннектикуте он не был.

Да потому, дура, что он ехал через Ямайка-Плейн.

Она наскоро просмотрела оставшиеся бумаги. Какая-то мысль не давала ей покоя. А, вот... Счет карточки «Виза». Почему он вообще здесь? Счетами ведала Кэти. Когда ими занимался Роберт, приходилось регулярно платить пеню за просроченные платежи, поэтому Кэти взяла бухгалтерию в свои руки. В семье было две платиновые карточки: одна из «Банк оф-Америка», другая из «Уэллс-Фарго». Первой Кэти оплачивала домашние расходы, второй – расходы компании.

Она пробежала глазами квитанцию. Оплачено платиновой карточкой МБНА. Откуда у них карта от МБНА? Зачем? Теперь Кэти заметила, что счет отправлен на адрес компании. Похоже, Роберт завел карту исключительно для интернет-покупок: книги, диски, компьютерные аксессуары. Кэти и не думала, что кроме книг по работе он заказывает онлайн что-то еще. Счет как счет... но на второй странице... Покупка в «Магазине на диване» – триста двадцать долларов. Букет цветов из «Интерфлоры» – девяносто пять. И последняя графа: престижный французский ресторан «Л'Эспалье» – Кэти так туда хотела! – двести десять долларов. Дело было чуть больше двух недель назад, во вторник, третьего декабря. Вторники, как она вчера выяснила, отмечены в телефоне мужа красным флажком.

Итак, какие результаты принес беглый обыск? У него есть кредитка, о которой он ни разу не обмолвился. Две недели назад вместо работы он обедал в шикарном французском ресторане. И наконец, самое гадкое – он сказал, что едет в Коннектикут, а сам находился в Ямайка-Плейн, и это факт. Есть и еще один факт: сегодня вечером он не ужинает в «Седьмом небе».

Надо еще доказывать, что у него связь?

Она наспех проглядела оставшиеся документы, но ничего интересного больше не нашла. Странно даже, что Роберт, осмотрительный по натуре, оставил на столе компрометирующие бумаги. Кэти закипела: подумать только, до какой степени он рассчитывает на ее порядочность – или глупость? – а может, совсем не уважает, думая, что, зайдя она в его кабинет, так все равно ничего не заметит? Ее охватило бешеное желание вывалить из шкафов все папки, изорвать их содержимое в клочья, сложить в груды – и пусть любитесь, вернувшись в дом, милый дом. А квитанцию за превышение скорости и счет по «Визе» надо прикрепить к пробковой доске над компьютером.

Как же хотелось наорать на Роберта по телефону!

Но не сейчас.

Не сейчас.

Она будет играть в открытую, но в свое время и по своим правилам. В прошлый раз, когда она уличала его в связи со Стефани Берроуз, он практически доказал, что она, Кэти, не в своем уме, потому что никаких доказательств, кроме женского чутья, у нее не было. Что ж, теперь она ученая.

Она сделала копии штрафной квитанции и банковского счета, испытывая мстительное удовольствие от того, что печатает доказательства на *его* сканере. На этот раз у нее будут весомые аргументы.

Аккуратно сложив бумаги в проволочную корзинку, Кэти перешла к компьютеру. Роберт души не чаял в технике и наверняка доверял ей свои тайны. Чтобы войти в систему, нужен пароль, а пароля Кэти не знала. «Пароль нужен как защита от воров, ну и от детей тоже», – объяснял Роберт, но почему-то утаил от жены заветное слово.

Включал ли он при ней компьютер? Да, она вспомнила, как стояла у тумбы с файлами, искала копию последнего письма, отосланного их бухгалтеру. В налоговом управлении утверждали, что их налоговая декларация за прошлый год не пришла. Роберт уверял, что все отправил вовремя, а потом сел к столу и запустил компьютер.

Кэти встала на то же место, откуда в тот день разговаривала с мужем. Закрыв глаза, представила, как все было: Роберт сидел прямо перед ней, лицом к монитору. Когда появилась надпись «Введите пароль», забарабанил пальцами по клавиатуре. Да, да, и еще... еще он печатал только правой рукой и нажимал кнопки только в правой части клавиатуры.

Она подошла к компьютеру, рассматривая возможные буквы. Выбор невелик: Х, З, Щ, Ш, Э, Ж, Д, Л, О, Ю, Б, Ъ, да еще цифры: 7, 8, 9, 0.

Она села в удобное аэроновское кресло и внимательно осмотрела поверхность стола: нет ли где намек на секретное слово? Нет, Роберт не оставил подсказок.

Снова закрыв глаза, она сосредоточенно вспоминала. На мужа она тогда не смотрела, зато... отчетливо слышала восемь точных и сильных ударов по клавишам. Кэти открыла глаза и усмехнулась, еще раз пробежав по возможным буквам. Роберт так предсказуем. Как правило, люди выбирают хорошо знакомую им комбинацию букв и цифр. Или ту, что много для них значит. Да Кэти на деньги поспорит, что пароль Роберта – кличка его любимого бигля, собаки его детства, чья фотография в рамке красуется на каминной полке рядом с семейными портретами. Глупая псина с еще более глупым именем.

Пробужденный к жизни компьютер заверещал, экран вспыхнул, погас – и, наконец, высветил привычное: «Введите пароль».

Кэти медлила. Вдруг неправильный пароль заблокирует компьютер? Тогда Роберт узнает о ее попытке. Ха, да ей, оказывается, плевать!..

«Введите пароль».

Одну за другой она внимательно нажала клавиши: Блюзолюб. Помедлила еще секунду и, тряхнув головой – даже думать нечего, она права! – ткнула «ввод».

На передней панели замигал желтый огонек, показывая, что идет загрузка, зазвучало музыкальное приветствие – и экран высветил ряды иконок.

Доступ получен.

Глава 8

Через два часа, с одеревеневшей спиной и резью в глазах, Кэти развернула кресло и отъехала от компьютера. Она садилась за него в полной уверенности, что найдет факты, подтверждающие связь Роберта.

Их не было. Ни тайных мейлов, ни подпольной регистрации на сайте знакомств, ничего. И тем не менее представшая картина обеспокоила и напугала Кэти.

Начав с «Моих документов», она дотошно просмотрела папку за папкой, но нашла только деловую переписку и рабочие планы. Тогда-то ее и охватила тревога, смешанная с чувством вины: она и не догадывалась, как много Роберт работал. Как не догадывалась о шатком положении компании. Хотя муж не обсуждал дела, Кэти вполне хватило увиденного: немедленный крах не грозит, но все к этому идет. Судя по всему, поле деятельности заметно сузилось, независимые продюсерские компании переманивали друг у друга клиентов, сбивали цены, шли на все, лишь бы получить заказ. Роберт все чаще брал субподряды в крупном бостонском агентстве. Из одного письма, адресованного звукозаписывающей студии, было видно, как его вынудили сбавить цену на три с половиной тысячи долларов, а не то бы работа ушла к другому. Не ускользнул от Кэти и факт, что мейл он посылал в два часа ночи. Были мейлы, отправленные еще позже: в два тридцать, два сорок пять и даже в три десять.

Для нее давно стало нормой, что Роберт работает допоздна. Он сам говорил, что лучшие идеи приходят в голову, когда дом спит и телефоны не донимают.

Вчера в постели, когда маячивший перед глазами красный флажок довел ее до мигрени, она представляла, как Роберт шлет по ночам любовные мейлы или воркует по телефону. Те же страхи преследовали ее в ночном кошмаре: ей снилось, что, прижав ухо к двери его кабинета, она слышит интимные разговоры, приглушенный секс по телефону, торопливый стрекот клавиш, означавший эротические письма и тайные сексэсэмэски.

А на самом деле ничего не было. Ни одного предосудительного письма.

Его почту она проверила досконально: входящие и отправленные мейлы, корзину, архив. Ничего подозрительного и даже наоборот – налицо все признаки добросовестного трудоголика. Может, для переписки со Стефани Берроуз он завел другой е-мейл? Если и так, это не проверишь. Ее взгляд упал на пустую поверхность. Если только... если только другой е-мейл не в ноутбуке. Ноутбук Роберт каждый день брал на работу и привозил обратно. Может, доказательства там?

А может – ничтожно слабое «может», на котором настаивал рассудок, – доказательств вообще нет? Может, нет ничего, кроме двух листочков бумаги? И может, им есть разумное объяснение? Нет. Чересчур много «может».

Она вернулась к столу, поморгала, стряхивая задумчивость, и снова вперила взгляд в экран. Открыв раздел «Контакты», она пролистала имена до буквы «Б» и медленно пошла по списку.

Стефани Берроуз. Красный флажок возле имени. Двойной щелчок мышки открыл доступ ко всем данным: адрес, номер телефона, номер мобильного, е-мейл и... Кэти впиалась глазами в маленькую фотографию. Последний раз она видела Стефани шесть лет назад. Если, как подсказывает чутье, фотография сделана недавно, то Стефани за эти годы ничуть не изменилась. Огромные темные глаза, круглое личико, обрамленное темно-каштановыми, почти черными волосами. Сейчас ей, кажется, едва за тридцать. Надо думать, стройная и элегантная.

Но потрясло Кэти даже не это. Как и шесть лет назад, когда Роберт представлял их друг другу, ее потрясло собственное внешнее сходство с девушкой. Можно подумать, они сестры.

Стефани – это Кэти, только моложе и смазливей. В «Подробностях» указан и день рождения – шестое ноября. Скорпион.

«Распечатать». Заверещавший принтер мгновенно выдал все данные о Стефани. Войдут в доказательства.

Теперь «Календарь». Страница один в один походила на ту, что она видела в телефоне. Очевидно, программы в компьютере и на мобильном синхронизированы. Флажки стоят на одних и тех же днях. Кэти пролистала календарь назад, в ноябрь. Ей нужно шестое число, день рождения Стефани. Красный флажок и одно-единственное слово: «Нью-Йорк». Нью-Йорк.

Кэти вспомнила, что Роберт тогда поехал в Нью-Йорк для встречи с наклеывающимся клиентом, обещал вернуться к ужину, однако вечером позвонил и сказал, что остается ночевать в Нью-Йорке, так как выпил больше положенного. На следующий день, в четверг, он позвонил снова – они с клиентом едут играть в гольф на Лонг-Айленд, домой приедет в пятницу утром. И приехал. К ночи.

Откинувшись в скрипучем кресле, Кэти напрягла память. За последние годы подобных встреч было много. Ночевки в разных городах тоже. Почему же она не припомнит, чтобы компания «Эр-энд-кей» привлекла после этого хоть одного нового клиента? Во всяком случае, судя по плачевному состоянию дел, ни одна из поездок не принесла желаемого результата.

А это значит...

Это значит, что либо Роберт – никудышный переговорщик, либо связь длится гораздо дольше, чем она предполагала. Стефани, насколько она знала, переехала в другой город и работала во Флориде. Или нет? Чему теперь верить? Уехала тогда Стефани, или Роберт просто наплел с три короба, чтобы усыпить подозрения жены? Или все эти годы он встречался с любовницей в больших и маленьких городах по всему восточному побережью, там, где им не грозило быть узnanными? Или он просто ездил в Ямайка-Плейн, где жила Стефани? Кэти задумчиво посмотрела на адрес в распечатке.

Узнать неоткуда. Снова у нее не доказательства, а косвенные улики.

Кэти вдруг стало так плохо и зябко, что она обхватила себя руками. Ни одному слову Роберта верить нельзя.

От сомнений, вопросов и замешательства она не находила себе места.

Глава 9

– Вечно ты все откладываешь на последний момент.

Кэти прикрыла трубку рукой и тяжело вздохнула. Ее старшая сестра кого хочешь доведет нотациями.

– Да, я знаю, знаю. Ты приедешь?

– Кэти, ты серьезно? Брендану семнадцать, Терезе – пятнадцать, обойдутся без няньки... – Джулия Тейлор оседлала нового конька, но Кэти не дала ей закончить.

– Прекрасно. Я попрошу Шейлу.

Младшая сестра Кэти проводила с племянником и племянницей не в пример больше времени, вызывая тем самым ревность старшей.

– Я же не отказываюсь, – торопливо возразила Джулия. – Просто хотела сказать, что они прекрасно сами о себе позаботятся.

– Знаю, но ты, по крайней мере, не дашь им бездельничать весь вечер у телевизора, а отправишь готовиться к экзаменам.

– Роберт, понятное дело, отсутствует?

– Угощает клиента, – сдержанно ответила Кэти и тут же ощутила горечь ничего не значащих слов.

– Ну да, а бегать по магазинам перед Рождеством предоставил тебе. – Джулия никогда не скрывала своих теплых чувств к Роберту.

– Так да или нет? – не выдержала Кэти, выпуская давно копившийся гнев. – Ответь уже, без лекций я как-нибудь обойдусь.

– Да приду я, приду! – Джулия помолчала и вдруг спросила: – У тебя неприятности? Голос расстроенный.

– Устала. Рождество на носу, а у меня ничего не готово. Паникую, наверное. Хорошо, хоть магазины перед праздником работают допоздна – если куплю еще несколько подарков из списка, на душе полегчает.

– Конечно. Во сколько мне прийти?

– Да прямо сейчас.

– Мама, нет! Только не тетя Джулия! Мне же семнадцать лет! – Брендан сооружал себе быстрый полдник: намазывал маслом высоченную гору хлеба.

Кэти слушала и ожесточенно кидала высушенное белье в треснувшую пластиковую корзинку. Брендан напоминал Роберта в молодости, даже говорил с теми же интонациями, и Кэти всякий раз приходила от этого в замешательство.

В кухню влетела раскрасневшаяся от мороза Тереза. Она тоже унаследовала отцовскую внешность, но ростом не вышла – в мать.

– С занятий отпустили пораньше! Я умираю с голоду, – заявила она, утаскивая намазанный ломоть хлеба из-под носа у брата. В другое время перебранка была бы обеспечена, но сейчас Брендана волновало другое.

– Вечером нас тетя Джулия будет караулить, – мрачно сообщил он.

– Мам! – Слово прозвучало как обвинительная речь.

– Я в курсе, – отчеканила Кэти.

Услышав грозные нотки, дети примолкли.

– Я бы хотела уйти со спокойной душой, зная, что вы оба занимаетесь, но у меня всю дорогу кошки будут на душе скрести. Поэтому я и прошу тетю Джулию присмотреть за вами. Поверьте, мне это нравится еще меньше, чем вам. Потому что мне еще и лекции от нее выслушивать.

Прикрываясь корзиной с бельем, Кэти выскочила из кухни, чтобы не сказать чего-нибудь похлеще.

С грохотом взлетела по ступенькам: ну вот, сорвала зло на детях. Дети-то тут при чем? Весь день она размышляла о находках, сделанных в кабинете мужа, весь день складывала омерзительный пазл из полуправды, догадок и лжи. В результате к приходу детей голова у нее раскалывалась, желудок горел от изжоги, а от одного взгляда на хлеб с маслом мутило.

В спальне, вывалив содержимое корзины на кровать, Кэти принялась сортировать белье. Старое, как мир, занятие ненадолго отвлекло. Терезины носки – ни одного парного. Школьные футболки Брендана – на всех застарелые желтые пятна под мышками. Робертовы трусы-боксеры. Она не сразу положила их на кровать. Ткань еще хранила тепло от сушилки. С каких пор он носит боксеры?

Опять вопрос. Вся жизнь внезапно превратилась в череду вопросов. Она знакома с Робертом двадцать один год: три – до замужества, восемнадцать лет в браке. Думала, что знает о нем много, практически все. А на самом деле? Ни черта она о нем не знает. Не знает человека, с которым живет. Э, нет – она резко мотнула головой, так что в глазах потемнело. Это совсем другой человек, совсем не тот, за которого она выходила замуж. Тот Роберт никогда бы ее не обманул. Тот Роберт уважал ее. И любил.

Когда все изменилось?

Когда они поженились, он носил трусы-плавки: только «Жокей» и только белые. Кэти наморщила лоб, припоминая, когда произошла перемена. Год... или нет, почти два года назад, он тогда начал ходить в спортзал, в «Бостон спортс клуб» на Булфинч-стрит, неподалеку от муниципалитета. Трехлетнее членство в спортзале ему якобы любезно предоставил клиент. Вот тогда-то он и купил боксеры, объяснив Кэти, что в фитнес-клубе «их носят все», а в плавках ему неловко.

Плотно скатав трусы, она запихнула их в ящик с бельем Роберта. Врал он тогда или говорил правду? Теперь не разберешь.

Ни с того ни с сего она заперла дверь спальни и разделась. Захотела увидеть себя нагой, уязвимой, без прикрас. Посмотреть в глаза реальности. Прислонившись к стене, она разглядывала свое отражение в неумолимом зеркале. Судя по колыхающимся контурам мучнистого тела, вместо сорока трех лет она выглядит на все сорок восемь. Грудь отяжелели; очертания еще красивы, но упругости нет, и провисают больше, чем хотелось бы. И живот такой же: полный, рыхлый, с никогда не проходившей детской пухлостью. Зато ноги у нее красивые, длинные. Кэти немного полюбовалась на них, а потом взглянула на ненакрашенное лицо. Вокруг глаз – лучики, в уголках рта – бороздки, над верхней губой – сеточка вертикальных морщинок. Темные круги под глазами напоминают синяки, а сами глаза в красных прожилках. Нагая, без ухищрений и макияжа, Кэти видела в себе черты покойной матери.

Неужели Роберт видел ее такой же?

Следующий вопрос она задала одними губами: «Какой ты меня видишь?» Ответа ей не узнать. Он редко говорил, что она хорошо выглядит, а ведь раньше осыпал комплиментами. Не то чтобы ей нужны комплименты, но слышать их приятно. Хотя бы иногда. Особенно от того, кого любишь. Хм. А когда он в последний раз говорил ей, что любит?

А когда она в последний раз говорила, что любит его?

Вопрос застал ее врасплох. «Все время говорю», – вслух заявила она зеркалу. И по отражению в зеркале увидела, что лжет. Какое там «все время»! Она и последнего раза не припомнит.

Кэти лихорадочно выбирала, что надеть. Ах как же эти мужчины чувствительны! Выходит, Роберт обделен ее вниманием? Выходит, она сама толкнула его в объятия – и в постель – другой женщины? Докапываться до истины и даже задумываться над вопросом Кэти не хотела. Боялась узнать ответ.

Когда в последний раз он серьезно говорил ей, что любит? Было время, он говорил ей это каждое утро: «Я тебя люблю». И повторял те же слова на ночь. Однако эта нехитрая истина больше не звучала в начале и конце дня.

В молодости, когда они только поженились, она читала запоем и могла полночи просидеть с книгой в кровати. Роберт забирался под одеяло чуть ли не с головой, обхватывал жену за талию и уютно сопел рядом. Кэти щелкала выключателем, он бормотал сквозь сон «люблю» и подставлял ей свой бок. Практически сразу его дыхание выравнивалось, и он засыпал. Последние слова на ночь и первые слова утром. Она жила в кольце этих слов и объятий мужа. Невероятное блаженство.

Кэти торопливо выудила из гардероба черные джинсы и толстый свитер с высоким воротом. Температура с каждым днем падает, синоптики в этом году обещают снежное Рождество. В глубине шкафа нашлись угги – подарок Роберта пару лет назад, опять же, на Рождество. Сексуальными их, конечно, не назовешь, зато практично, удобно. Из серии «всегда пригодится». Вроде самой Кэти. Она влезала в сапог, припоминая, что муж подарил ей в прошлом году. Какую-то банальность, точно. Какую-то... Бесполезно. Кэти тряхнула головой – не вспомнить.

В прошлом году он получил от нее в подарок новейшую модель цифрового фотоаппарата. Содержимое коробки вызвало у него только один вопрос: сохранился ли чек? Если да, то сумму можно списать как расходы компании.

Но что же он подарил в прошлом году? Так и будет теперь мучиться весь вечер.

Кэти надела теплую кожаную куртку и еще раз взглянула в зеркало. Привлекательнее она не стала. Невзрачная, никому не нужная. Чувствуя, как стремительно падает самооценка, Кэти поспешно выскочила за дверь: еще немного – и решимости на задуманное не хватит.

– Вернусь через пару часов, – объявила она Брендану и Терезе, все еще сидевшим на кухне, теперь уже пропахшей подгоревшими тостами.

Дети кивнули, не отрывая взгляда от маленького телеэкрана, где Мередит Виейра, ведущая шоу «Кто хочет стать миллионером?», допрашивала очередного участника. Ладно, эта программа может сойти за образовательную.

Кэти прошла в гараж и закрыла за собой дверь, но потом снова заглянула в кухню.

– Вы случайно не помните, что папа подарил мне на прошлое Рождество?

– Новый роман Джоди Пиколт и духи, которые тебе не понравились, – моментально выдала Тереза, но глаз от экрана так и не отвела.

– Верно, спасибо. Пока. Слушайте тетю Джулию.

Она притворила дверь. Книжку и духи. Теперь она ясно вспомнила: роман ей очень понравился, а духи... Роберт не потрудился вспомнить, какую марку она предпочитает. Да что уж там, он даже ценники не отклеил. Купил все разом, пройдясь по магазинам в районе Даунтаун-Кроссинг, и голову не ломал.

Интересно, что он подарил своей пассии?

Глава 10

В конце улицы Кэти поравнялась с ехавшей навстречу сестрой, но та ее не заметила. Нервно сжимая руль, Джулия смотрела строго вперед: она терпеть не могла свой помпезный внедорожник, но ездила на нем статуса ради. Роберт всегда называл ее позеркой.

Зато муж Джулии не заводит шашни на стороне.

От незаметно выползшей мысли на душе стало холодно, как на улице. Бен и Джулия женаты двадцать семь лет, за это время никто ни разу не усомнился в их любви. Посмотришь на них – и все ясно.

Кэти не испытывала большой симпатии к своему британскому зятю. Джулия встретила Бена в Лондоне тридцать лет назад – и между ними, как ни странно, вспыхнула настоящая любовь. Чудная они пара, но искренне преданы друг другу.

Интересно, а как выглядят со стороны они с Робертом? Решат ли незнакомые или даже знакомые люди, что после восемнадцати лет брака они все еще любят друг друга? Или разглядят, что все пошло наперекосяк? Как определяют неладное в людских отношениях?

Кэти вдруг улыбнулась, заметив, что сжимает руль в точности, как Джулия. Улыбка погасла. В случае если – пока еще «если» – Роберт ей изменяет, она не горит желанием поделиться ни с одной из сестер. Уж точно не со старшей. Та, конечно, посочувствует, но в душе будет ликовать. Как же, ведь тогда все увидят истинное лицо Роберта, и Джулия гордо заявит: «Я же говорила!» И завалит ненужными советами. А незамужняя Шейла будет переживать искренне. Пожалуй, она расскажет сначала младшей сестре.

Кэти переключила фары. Узкий луч дальнего света выхватил ледяную крошку и вихри снежинок, готовые поглотить машину. Кэти вернула ближний свет и сбросила скорость.

Чистое безумие.

Нет, простая необходимость.

Что она делает? За неделю до Рождества, в час пик, в предвестии снегопада едет в центр Бостона. Лучше вернуться. Но тогда момент будет упущен. Завтрашний день только приблизит Рождество, а для нее почему-то очень важно узнать правду до всеми чтимого семейного праздника. Может, потому что она не хотела вступать в новый год, узнав – или не узнав – что живет во лжи, что их брак, отношения, любовь – под вопросом, что ее будущее туманно, да и прошлое сомнительно.

Кэти включила печку на полную мощность, но особой разницы не почувствовала. Издали заметив плотные ряды машин у затейливых магазинчиков, делавших в это время года баснословные барыши, она свернула с главной городской магистрали. Основной транспортный поток, однако, тянулся из города.

Люди спешили домой на выходные.

Судорожно выруливая на Коммонвелс-авеню, она припоминала, когда в последний раз вела машину в темноте. По вечерам за руль всегда садился Роберт.

Заверещал мобильник. Не отрывая глаз от дороги, она вытащила телефон из кармана и включила громкую связь.

– Кэти, ты где? – Роберт явно нервничал.

– В машине, – ответила она, прекрасно зная, как он ненавидит такие ответы. Ясное дело, что она в машине, мужа интересовало, куда она направляется.

– Я звонил домой, дети сказали, ты уехала в город, за покупками.

В его голосе звучало недоумение.

– Так и есть, – спокойно произнесла она.

– Глупая затея! На дорогах пробки, да и погода портится. К ночи обещают снегопад, возможна гололеда.

Словно не слыша его доводов, она пояснила:

– Мне нужно кое-что докупить. Наверное, пройдуся по Ньюбери-стрит. – Помолчав, она с горькой ухмылкой добавила: – И потом, если погода подведет, оставлю машину возле «Седьмого неба» и вернусь вместе с тобой. Утром подбросишь меня в город, и я ее заберу.

Повисла пауза. Ну и пусть. Подождем, посмотрим, что он скажет.

– Ты слушаешь? – Он первым прервал молчание.

– Да, конечно. – За лобовым стеклом виднелись ряды замерших автомобилей. Надо было ехать на метро – и быстрее, и надежнее. Кэти выдержала паузу и спросила: – А где ты?

– Еще в офисе. Джимми подъедет к семи... – В трубке что-то затрещало. – ... Ехать сегодня в город не стоит. Возможно, после выпивки я и сам не рискну сесть за руль, и тогда обе наши машины останутся на парковке. Джимми предлагал переночевать у него, и я уже подумываю об этом.

Между ними опять повисло молчание. Роберт ждал, что она скажет, – и напрасно. Кэти свернула на Сторроу-драйв. Вспомнилось, что штрафную квитанцию мужу выписали где-то неподалеку. Машины стояли впритык, движения почти не было, окна запотели.

– Кэти...

– Связь плохая, я тебя почти не слышу, – легко соврала она.

– Может, то, что ты ищешь, есть в Бруклайне?

– Нет, – тут и лгать не надо, – встретимся позже в «Седьмом небе»...

– Нет, нет, не там, – перебил он.

Она уставилась на дорогу, не желая смотреть на светящийся экран телефона. Потом глубоко вдохнула и, выбрав нужный тон, ответила:

– Ты же говорил, что вы идете в «Седьмое небо».

– Кэти, я слышу через слово. С рестораном вышла накладка, заказ пропал. Я им сегодня звонил, узнавал.

Надо же! Он говорит правду. А вдруг остальное так же легко объяснить? Вдруг пара разумных доводов опровергнет все ее теории? Кэти покачала головой. Нет, не опровергнет.

– И куда же вы пойдете?

– Еще не решили.

– Позвонишь мне, когда решите, и я подъеду. Сто лет не видела Джимми. Как Анжела?

– Они расстались. Анжела не дает ему развод.

Пробка не рассасывалась. Кэти нетерпеливо ерзала на сиденье. Вдали янтарными огнями маячил Бостон.

– Слушай, я вешаю трубку. Тут рядом полицейский, а у меня сотовый на виду, – опять соврала она и ткнула пальцем в телефон, отключая связь.

А что сделает она, если Роберт потребует развод? Не даст?

Кэти покачала головой. Нет, она скажет: «Проваливай».

Больно надо его удерживать, если он хочет променять ее на какую-то тварь. Пусть катится, только пусть знает: она сделает все, чтобы получить свою законную долю.

До Бикон-Хилл она ползла еще сорок минут. Пока магазины открыты для запоздалых покупателей, о парковке на улице можно только мечтать. В поисках места Кэти колесила по окрестным улочкам.

Долгое время дела «Эр-энд-кей» велись из дома Уокеров, но лет десять назад компания начала приносить прибыль, и Роберт с Кэти решили, что пора завести настоящий офис. Пре-стижный адрес – показатель успеха, утверждал Роберт, и ничто так не впечатляет клиентов, как офис в центре города. В конце концов, главное – произвести впечатление. Ради этого они и сняли помещение в краснокирпичном здании, построенном в начале XIX века в классическом стиле, неподалеку от Капитолия штата Массачусетс. Когда освободилась комната

рядом, сняли и ее. Сейчас «Эр-энд-кей» располагала четырьмя помещениями на первом этаже: приемная, комната для переговоров, крохотная кухня и ванная. Кэти воспринимала расходы как вопиющее расточительство, Роберт – как пользу для бизнеса. И всегда добавлял, что сумма подлежит вычету из налоговой базы.

Кэти кружила по Бикон-Хилл и улыбалась – таков уж этот район. Почему люди платили баснословные деньги за тесные дома столетней давности? Потому же, почему Роберт разместил здесь офис компании. Все зависит от местоположения. Ну и дома, конечно, чудесные. Въехав на Чарльз-стрит, она увидела темные окна офисов. Который час? Часы на приборной панели высвечивали шесть сорок пять. Кэти обогнула здание: машины Роберта нигде нет.

Досадно.

Хотя чего она, собственно, ожидала? Что дверь офиса распахнется и Роберт выйдет под ручку со своей любовницей? Будь машина здесь, как бы поступила Кэти? Пошла бы в открытую? Наблюдала бы из кустов, как несчастный сыщик в бульварном романе?

Обогнув квартал в последний раз, она повернула к реке Чарльз, назад к Сторроу-драйв. У ее поездки есть и вторая цель.

Разыскать дом в Ямайка-Плейн, где жила Стефани Берроуз, труда не составило: судя по адресу, речь шла о викторианских особняках, разделенных на апартаменты. Сверяясь с распечаткой, сделанной в кабинете Роберта, Кэти выглянула из окна машины. Как только они нумеруют дома?

– Вы что-то ищете? – услышала она над ухом ворчливый голос. Из тени выступила закутанная с ног до головы старушка и подозрительно воззрилась на Кэти.

– Да... нет... возможно, – ответила она с самой обворожительной улыбкой.

– Так вы решите. – Старушка раздраженно поджала губы.

– Мне нужно передать рождественский подарок мисс... – Кэти сделала вид, что ищет фамилию в листке. – Мисс Берроуз. Кажется, она здесь живет?

– В восьмой. – Собеседница показала на сияющее гирляндами окно в мансарде. За ребристым стеклом мерцали огоньки настольной елочки. – Раньше у дома был один номер, а теперь разбили на четыре секции. Я живу во второй, на первом этаже, а восьмая, в которой Стефани Берроуз, прямо надо мной. Квартирка небольшая, но Стефани довольна. Ремонт устроила, когда въехала, но в остальном – идеальная соседка.

Обретя в Кэти благодарную аудиторию, старушка радостно продолжала:

– Супруги в шестой тихие, но скоро ждут прибавления семейства – и тогда конец спокойной жизни, помяните мое слово. Хорошо еще, что их квартира в торце. А до жилья в четвертой мне дела нет. Хиппи.

Старушка перевела дыхание, и Кэти поспешно встала:

– Значит, адрес правильный!

– Правильный-то он правильный, да только путь вы проделали зря. Она только что уехала.

– И вы вряд ли знаете куда, верно? – Кэти опять прибегла к обворожительной улыбке, но старая дама насторожилась.

– А вам зачем? Или вы личный курьер?

– Случай особенный, мне предписано вручить из рук в руки. Сюрприз.

– О, сюрпризы я люблю. Это наверняка ее ухажер организовал, он всегда ей цветы присылает.

– Заботливый, сразу видно, – как можно равнодушнее произнесла Кэти, сдерживая нахлынувшие чувства. – Не говорите ей о сюрпризе, ладно? Чтоб не испортить впечатление.

– Боже упаси! Уж я, деточка, умею держать язык за зубами, умею!

– Огромное вам спасибо! Счастливого Рождества!

– И вам счастливого Рождества, и вам.

Глава 11

Домой она вернулась в десятом часу. Все были на взводе: и Джулия, и Брендан, и Тереза. Роберт еще не пришел.

Джулия, надо полагать, нырнула в пальто, как только слышала поворот ключа в дверях.

– Я тебя уже целый час жду! – бросила она Кэти.

– Спешила изо всех сил, – начала Кэти и осеклась: она и так болтушка, а когда нервничает, несет все подряд. Главное – не проговориться о своих страхах Джулии. – Дети не вредничали?

– В целом нет, если не считать заказ еды на дом. Ты же знаешь, я не сторонник фаст-фуда, Кэти. Страшно подумать, что туда могли напихать.

– Они заказывают не фастфуд, эта еда...

– Вредная. В ней сплошь соль, сахар и глутамат натрия.

– Заказ еды – крайне редкое удовольствие для детей.

– Что ты говоришь? Почему же они знают меню как свои пять пальцев? – Джулия не скрывала недоверия. – Брендан наизусть шпарит, знает под каким номером идет курятина кунг-пао.

– Давай откроем вино? – предложила Кэти, устремляясь в кухню, прекрасно зная, что Джулия пить не будет.

– Нет, мне пора. Бен уже волнуется.

Кэти вернулась, клюнула сестру в щеку. Знакомый запах – лавандовая пудра, ее любила их мать. Случайность это или так задумано природой, но Джулия с годами все больше напоминала покойную мать. Та же стрижка, что у матери и знаменитой тетки – Джулии Чайлд, – только немного иначе уложенная. Так же, как мать и знаменитая любительница французской кухни, Джулия носит вечную нитку жемчуга, голубые блузки и благоразумные юбки. А еще туфли на плоской подошве. Только на плоской. Все это старило, но в сестре с детства было что-то старушечье.

Джулия плотно запахнула пальто.

– Придете к нам на второй день Рождества. – Она не спрашивала, а утверждала.

– Я еще не говорила с Робертом, – честно призналась Кэти, – но мы придем, конечно.

– Бен очень ждет. Ты же знаешь, он всегда рад встрече с Бренданом и Терезой.

– Знаю.

Кэти уже представляла, как нальет себе большой бокал вина, но сестра внезапно разговорила:

– Ты с Шейлой виделась?

– В последнее время нет.

– Опять у нее новый бойфренд?

– Понятия не имею, – уклончиво ответила Кэти. В жизни их младшей сестры появился очередной бойфренд, но Шейла пока не желала афишировать новые отношения. Впрочем, в ее жизни всегда был кто-то новый и, как обычно, – неподходящий.

– Пора бы ей уюмониться, – негодуяще изрекла Джулия. – Не девочка уже, старовата для бесконечных гулянок.

– Ей тридцать шесть, вряд ли это старость.

– Я к этому времени вышла замуж и родила двоих детей. И ты тоже. Ладно, поеду. – Ее губы едва скользнули по щеке Кэти, что означало сестринский поцелуй. Вслед за тем Джулия провела большим пальцем по скуле сестры: – Вид у тебя усталый. И мешки под глазами. В следующий раз захвачу тебе питательный крем.

Она сама отперла дверь, и промерзшая земля захрустела под торопливыми шагами.

Кэти, обхватив себя за плечи, стояла на пороге. Грузный внедорожник задним ходом выполз на дорогу. Джулия выехала на шоссе, дала газ и, пробуксовав, скрылась из виду. Кэти зашла в дом и захлопнула наконец дверь. В передней стояла такая стужа, что виден был пар от дыхания.

В комнате Брендан и Тереза распластались перед телевизором. По Си-би-эс шел рождественский выпуск «Большого Брата».

– Уроки сделали?

Недовольное мычание.

– Отец не звонил?

– Звонил. – Брендан добровольно отвлекся от экрана. – Сказал, что перезвонит тебе на сотовый.

– Да, мы поговорили.

– Скорей бы он приехал, а то снег обещают, – добавила Тереза.

– В крайнем случае, заночует в городе. – Кэти повторила его ложь только ради спокойствия дочери.

– Правильно, – кивнула Тереза. – Так лучше. Спокойнее.

В кухне, наливая себе бокал вина, Кэти мысленно признала: «Роберт – хороший отец». У детей все есть, вот только... отца не хватает. Вся забота о подрастающем поколении лежит на ней. Он мало бывал дома: уходил на работу, когда дети еще спали, а приходил, когда они уже легли. Только в выходные они и виделись. Но даже дома, даже на выходных он работал. Кэти привела в порядок кухню: выбросила бумажные мешки и контейнеры из-под еды, собрала грязные тарелки, открыла посудомоечную машину. Все-таки отношения с детьми у него неплохие...

Она вдруг остановилась как вкопанная. Разве у них неплохие отношения? Смотри что считать неплохими отношениями...

Роберт покупал все, чего бы дети ни пожелали. Рождество не представляло собой ничего особенного, потому что сезон подарков не проходил весь год. Побрякушки и украшения для Терезы, видеоигры Брендану – все это он приносил домой часто и без всякого повода. Конечно, дети его боготворили! Что они скажут, когда – нет, не когда, а если... Пока еще только *если*.

И все же: сколько времени уделяет он детям?

Кэти ставила грязные тарелки в посудомоечную машину и вспоминала. Когда последний раз он был с детьми? Ходили они куда-нибудь просто так, чтобы побыть вместе? Какой фильм они смотрели всей семьей? Нет, она не помнила. Роберт пропускал концерты Брендана и матчи Терезы – он работал.

Работал?

Коварная мысль снова выползла исподтишка и удушливым кольцом свернулась вокруг вопроса. Работал он – или развлекался с любовницей? Теперь прежние доводы вызывали у нее недоверие.

Повинуясь минутному порыву, Кэти схватила телефон и набрала номер мужа. Судя по немедленному переходу в голосовую почту, звонки он отключил. Она сходила за кошельком, где лежал клочок бумаги с контактами Стефани Берроуз, и хотела набрать ее номер, как вдруг сообразила, что тем самым обнаружит себя. Следующие десять минут она искала, как активировать функцию «скрыть номер». Наконец, справившись с настройками, она сделала проверочный звонок на домашний телефон. «Номер не определен» высветилось на экране. И тогда, сделав еще несколько глотков вина, она набрала Стефани Берроуз. Гудки шли и шли, и, когда Кэти хотела уже повесить трубку, четкий офисный голос раздраженно ответил:

– Слушаю.

В трубке слышался гул голосов, брэнчало пианино, звякала посуда. Наверное, ресторан или бар.

– Слушаю?

– Алло, это Бекки?

– Нет, вы ошиблись.

– Ребекка Макфил... – начала Кэти, но на том конце провода уже никто не слушал. Стефани повесила трубку.

– Ну и чего я добились? – вслух произнесла Кэти.

– Мам, ты снова сама с собой разговариваешь. – Тереза неслышно вошла в кухню и достала из шкафчика коробку с хлопьями.

– По-моему, вы заказывали еду?

– Да, но с тех пор сто лет прошло. Я жутко голодная. – Она залила молоком мисочку хлопьев и, мельком взглянув на мать, спросила: – Ты нашла что искала?

– Не совсем, но начало положено. – Кэти говорила правду. – А что ты хочешь на Рождество?

– Мой список у папы.

– А я почему его не видела?

Все внимание Терезы поглотили хлопья.

– Не потому ли, что некоторые пункты меня удивят? – продолжала Кэти.

Тереза дернула плечом.

– Но ты уверена, что папа все равно все купит.

– Там всякие мелочи, – заняла оборону Тереза.

– Вернее, пара страниц всяких мелочей. Придется поговорить с отцом.

– Он уже обещал мне.

– Только сначала я взгляну на список.

– Мама, не жмись! Папа сказал, что все купит, его все устраивало!

Тереза подхватила миску и вышла, не обращая внимания на правило «в общей комнате не едят». Спорить с ней дальше у Кэти не было ни сил, ни желания. На кухню донеслась пылкая тирада: девочка с жаром пересказывала что-то брату – не иначе как жаловалась, что скарденная мать хочет зажать подарки на Рождество.

Эти сцены у них каждый год. Тереза норовила впихнуть в список все, что видела по телевизору, в Интернете, в журналах и о чем слышала от подруг. Кэти тщательно прореживала перечень желаемого, оставляя пару крупных подарков и несколько мелочей. Основная задача состояла в том, чтобы рождественским утром число подарков у каждого из детей было примерно одинаково. Схема работала до тех пор, пока Тереза не обнаружила, что если попросить отца напрямую, то она почти наверняка получит желаемое. В прошлом году Роберт купил дочурке все без исключения, а Кэти узнала об этом в последний момент, и сочельник был сильно подпорчен. Тереза развернула утром шестнадцать подарков, а Брендан – только восемь.

Роберт обещал, что в этом году все будет иначе. Судя по всему, он об этом забыл.

Кэти положила бокал в посудомойку и предусмотрительно наполнила кофеварку водой. Уборка закончена. Роберт о многом не помнил: о дырочках в правах, о новом банковском счете... о том, что она по-прежнему его жена.

– Пора спать.

– Ма!

– Ну, мам!

Кэти прошла мимо детей и выключила телевизор.

– В кровать. До рождественских каникул всего ничего, тогда смотрите сколько хотите. – Она собрала подушки с пола и бросила в кресла. – И кстати, Тереза, вставай сразу, когда я тебя бужу. Опоздаешь на школьный автобус, я подвозить не стану.

Тереза выскользнула из кресла и, оставив на полу миску из-под хлопьев, молча вышла из комнаты. Не успела Кэти ее окрикнуть, как Брендан схватил посуду.

– Я уберу.

– Спасибо.

– Что-нибудь случилось, мам?

Странно, в голосе сына звучало беспокойство. Кэти смотрела на Брендана: до чего же он похож на отца. С Робертом Кэти познакомилась, когда ему было под тридцать: брюнет, красавец. Брендан унаследовал отцовскую внешность и в свои семнадцать попеременно встречался с несколькими девочками. Кэти отшивала их, чтобы сын готовился к экзаменам, но Роберт пообещал сразу после школы взять Брендана на работу в компанию, и мальчик, осознав, что место у него в кармане, вообще перестал прикладывать усилия. Разумеется, сразу «сполз». Если раньше он уверенно показывал результат «выше среднего», а зачастую и «отлично», то теперь едва преодолевал тестовый порог. Иногда и не преодолевал.

– Мама! – не дождавшись ответа, окликнул Брендан.

– Нет, все хорошо. Просто устала. К Рождеству так много нужно успеть.

Брендан кивнул, хотя, похоже, она не очень его убедила.

– А когда папа приедет?

– Кто его знает? – Кэти пожала плечами. – Мне об этом ничего не известно.

Сын недоуменно вскинул брови, уловив непривычные нотки в ее голосе, и она поспешно добавила:

– Рождественские праздники – самое время обхаживать клиентов, готовить почву для будущих заказов. Так что папа может и задержаться.

Брендан понимающе кивнул, но тревога с лица не сходила. Продолжать разговор Кэти не стала – незачем огорчать сына раньше времени. Чего доброго, пристанет к отцу с расспросами.

– Иди спать, солнышко. Я пока запру дверь.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, и не вздумай включать комп. И так уже поздно.

Сын ушел к себе, а Кэти обошла дом: гасила свет, запирала двери. Она зажгла фонарь над крыльцом и, стоя у окна передней, смотрела, как в треугольнике света кружат одинокие снежинки.

Интересно, куда сейчас едет Роберт: домой или к любовнице?

Глава 12

Роберт приехал в третьем часу ночи.

Кэти не спала. Пробовала читать новый роман Патриции Корнуэлл, но раз двадцать пробежала один и тот же абзац, так и не уловив смысла, и отложила книгу. Погасив ночник, она встала, отодвинула тяжелую штору и застыла, глядя на дорогу. На что она смотрела? Чего ждала? Хотела бы она сама знать.

В первые годы семейной жизни ей в голову не приходило лечь спать прежде, чем Роберт приедет домой. Когда стрелки переваливали за полночь, в голову то и дело лезли всякие ужасы: пьяный водитель, ДТП, угон машины. В какой момент она перестала его ждать? Наверное, когда ночевки в офисе стали нормой, а не исключением.

Продрогнув окончательно, Кэти залезла под одеяло и уставилась на отсветы уличных фонарей на потолке. Поняла ли она что-нибудь за последние два дня? Нет.

Только возвращается к одним и тем же вопросам, главный из которых – почему?

Почему он завел связь?

Что она сделала? Или наоборот – не сделала?

Почему?

Вопрос всплывал сквозь смутную дрему и снова тонул в подсознании.

Восемнадцать лет замужества мелькали во сне бессвязной чередой. Она была одна, все время одна: одна дома, одна с детьми, одна в магазине... Одна, все время одна.

Одна в рабочие дни, одна на выходные, одна в каникулы.

Одна, все время одна.

Внезапно Кэти проснулась, словно пришла в себя после навязчивых кошмаров.

Поворот ключа. Она суматошно вскочила и подбежала к окну. При виде автомобиля Роберта ее охватило странное облегчение – и горечь. Кэти снова улеглась, натянула одеяло до подбородка.

Одна.

Роберт расхаживал по дому, безуспешно пытаясь не шуметь. Одиночество, угнетавшее Кэти во сне, никуда не исчезло, а наоборот, вытеснило все остальные чувства.

Ей одиноко.

Бойфренд, за которого она выходила замуж, – где он? Мужчина, с которым она делила горе и радость, – что с ним? Человек, в которого она влюбилась когда-то, – куда он пропал?

Слезы выступили на глазах от нахлынувших чувств. Кэти смигивала их, раздраженно смахивала, вытирала руками. До нее вдруг дошло, что в последние годы она свыклась с пустотой.

Ей было одиноко. Просто очень, очень одиноко.

Она ходила на курсы, волонтерствовала – одним словом, заполняла время, но чего-то все время недоставало. Заботы о детях, посиделки с подругами, сестры, чтоб излить душу или выяснять отношения, – и ужасающая, ничем не заполняемая пустота.

Роберт поднимался по лестнице.

Кэти тут же поняла: уйди он завтра утром, ей будет недоставать его присутствия в доме – но и только. Незаметно, шаг за шагом, он давно ушел из ее жизни, а она поняла это только сейчас.

Что изменит его реальный уход? Сердце болезненно защемило, потому что раздумывать над ответом не пришлось. Уйди он завтра, ничего не изменится.

Больше всего ее задело именно это.

– Я не знала, ждать ли тебя вечером.

– Извини, что разбудил.

– Не разбудил.

Смутный контур в темноте потянул с себя галстук и небрежно бросил его в сторону пуфика. Шелк, шурша, соскользнул на пол.

– Выпил я немного, дороги не так уж занесло, – сняв пиджак, объяснил Роберт. Теперь он расстегивал рубашку.

– Я тебе звонила.

– Не слышал.

– Звонок сразу попал в голосовую почту.

– Мы сидели в «Юнион ойстер хаус», там плохо ловит.

У твоей бесценной подружки ловило отлично, чуть не сказала Кэти, но вместо этого осмотрительно спросила:

– Как Джимми?

– Хорошо. Передавал привет.

– Не ожидала, что он меня помнит.

– Глупости, конечно, помнит.

– Значит, в «Седьмое небо» вы не попали?

Фонари ярко высвечивали его белую рубашку, брошенную поверх пиджака.

– Утром позвоню и оставлю жалобу: они заявили, что столик не заказан.

– Странно, обычно Морин подобных ошибок не допускает.

С того самого дня, как возникла компания, вся административная работа в «Эр-энд-кей» лежала на Морин. «Мое самое удачное решение в бизнесе» – так называл ее Роберт. Прежде чем стать фрилансером, она двадцать пять лет проработала помощником продюсера в киноагентстве «Сити оф Бостон». В этой индустрии она знала всех.

– Наверное, столик заказывала временная сотрудница, я взял ее, пока Морин на больничном.

– Морин болеет? Ты не говорил!

– Брось, конечно, говорил.

На этот раз Кэти разрешила себе резкие нотки:

– Нет, не говорил! Уж я бы запомнила. Ты же знаешь, мы с Морин работали вместе!

Морин долгое время заменяла весь персонал компании и была единственным помощником Кэти. Именно Морин взяла на себя организацию похорон, когда полтора года назад умерла мать Кэти: дочери от горя ни на что не были способны.

– И давно она на больничном?

– Не помню, – промямлил Роберт. – Недели три... или четыре.

– И ты ни разу мне не сказал! – Голос непроизвольно зазвенел, и она с усилием взяла себя в руки. – Ни единого раза. Я бы позвонила ей, навестила.

– Я заработался, вот и забыл.

– Что с ней?

– Бронхит, кажется. Врачи говорят, выйдет на работу не раньше января. А самая горячая пора – сейчас, – раздраженно заметил Роберт.

– Можно подумать, она специально заболела. Я вообще не помню, чтобы она болела. Ты вот помнишь?

Он промолчал. Сбросив одежду, вошел в ванную и плотно прикрыл дверь. Застреконала электрошетка. Ну что за дурацкая манера уходить от ответа или менять тему, когда он не прав!

Он открыл дверь. Кэти, жмурясь от ударившего в глаза света, спросила:

– И кто ее замещает?

– Временная секретарша, Илона. Русская, кажется. Порекомендовали в агентстве. Она молодец.

За те несколько минут, что Роберт чистил зубы, Кэти взяла себя в руки. Новость о болезни Морин встревожила ее, и задуманный разговор чуть было не ушел в сторону. Она вернулась к началу:

– Так, может, столик заказывала Илона?

Роберт достал чистую пижаму.

– Может, и так. Хотя дело было месяц назад, Морин тогда еще работала, – надевая штаны, вспомнил он. – Невелика важность, утром, если успею, позвоню в ресторан.

– Могу я, если хочешь, – предложила Кэти, уверенная, что он откажется.

Но Роберт, продевая голову в пижамный верх, ответил:

– Буду только рад. Столик на двоих на пятницу вечером, в семь тридцать. Заказ либо на меня, либо на Джимми Морана. На всякий случай. Вдруг Джимми придет раньше.

Холодный воздух скользнул под одеяло вместе с ним. Роберт наклонился и запечатлел на щеке жены вежливый поцелуй. Кэти уловила легкий запах спиртного, а больше ничего: ни духов, ни запаха мыла или шампуня, принимай он недавно душ.

– Спокойной ночи. – Она повернулась на другой бок. Недавняя уверенность исчезла. Неужели она все придумала, и Роберт просто ужинал с Джимми Мораном?

Очень скоро он мерно задышал, а Кэти глаз не могла сомкнуть. Выходит, она просто неуверенная в себе истеричка, подозрительная жена привлекательного мужа?

Или она ухватила и медленно вытягивает ниточку полуправды из полотна ловко сплетенной лжи?

Глава 13

Суббота, двадцать первое декабря

Кэти припарковалась у кладбища Маунт-Оберн. В прозрачно-голубом небе серели контуры часовни Бигелоу. Холод пробирал до самых костей, но дело было не в декабрьской стуже. Это все кладбище, идея конца, облеченная в материальную форму. Кэти люто ненавидела надгробные камни, гранитных ангелов и резные плиты на могилах.

В самом центре старинного кладбища похоронены отец с матерью. Здесь же покоится целый сонм дядюшек, тетюшек, кузенов, кузин – некоторые надгробия уже не отыскать. Ненавистное место, и всегда таким было. Кэти, на свою беду, без труда представляла лежащих в земле: одни еще не истлели, от других осталась кучка костей. Но в ее воображении и те и другие всегда распахивали глаза, чтоб в упор посмотреть на нее, Кэти.

Она с детства помнила семейную традицию приезжать на Маунт-Оберн по воскресеньям. Каждый раз, входя на кладбище, отец отпускал одну и ту же шутку про «тихий центр Кембриджа», и каждый раз ее сестры издавали громкий стон – он входил в обязательную часть ритуала.

Сначала навещали могилы бабушек и дедушек, потом разыскивали, где похоронены другие родственники. И так воскресенье за воскресеньем. Расчищали забытые места, пололи сорняки, мыли надгробные плиты раствором, принесенным в бутылках из-под лимонада. Имена и годы жизни никогда не виденных людей Кэти помнила наизусть и чувствовала с ними тесную связь. Она знала, что тетюшка Мэй и кузен Даррен поссорились и тридцать лет не разговаривали; знала, что кузину Джессику – или не кузину, кто теперь разберет – бросил у алтаря некий Тим, женившийся затем на тете Рите, а дядя Фиц был такой толстый, что ему заказывали специальный гроб. Прошло много времени, прежде чем она поняла: отец водил их сюда, чтобы семейная история не угасла. Кэти и сейчас, через столько лет, легко нашла бы любую из тех могил. А вот ее дети не отыщут, где лежат их дедушка с бабушкой. Они до смешного мало знали о родных Кэти, а о родных Роберта – и того меньше.

Кэти давно решила, что не будет лежать в земле с каменной глыбой над головой. После смерти ее кремируют, а прах развеют над Бостонской бухтой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.